

18+

Анна Попова

КРЫМСКИЙ КРУИЗ

СЛЕДОВАТЕЛЯ
ЖЕЛЕЗМАНОВА

Анна Попова

**Крымский круиз
следователя Железманова**

«Издательские решения»

Попова А.

Крымский круиз следователя Железманова / А. Попова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-592169-7

Приступая к расследованию дела о краже старинных ювелирных украшений в татарской слободе Касимова, следователь окружного суда Петр Железманов даже не представлял, сколько ему придется пережить: погружение в историю о крымской царице Джанике-ханым, большое путешествие по Крымскому полуострову, в котором он не просто посетит Ялту, Гурзуф, Севастополь, Чуфут-Кале, но и встретится как со смертельной опасностью, так и с огромным светлым чувством, одним из самых сильных испытаний в его жизни.

ISBN 978-5-00-592169-7

© Попова А.

© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	41
-----------------------------------	----

Крымский круиз следователя Железманова

Анна Попова

Григорий Виноградов *Дизайнер обложки*

Ольга Рыбина *Корректор*

© Анна Попова, 2022

© Григорий Виноградов, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0059-2169-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Что может быть лучше хорошего сна после сытного обеда? Особенно в последний день рабочей недели. А уж если спать на мягком удобном диване, который утром нагрелся на солнышке! Сейчас оно перешло на другую сторону, диван сохранял приятное тепло, но не обжигал огнем, в приоткрытое окно наведывался легкий ветерок, а шелест листвы и чирикание птичек создавали уютный звуковой фон. Все бы хорошо, но претендентов на диван было двое. Тимофей был уверен, что именно он имеет преимущественное право на этот предмет мебели. Петр Андреевич в принципе был не против, чтобы его лохматый друг пользовался диваном, благо что размеры это вполне позволяли. Однако Тимофей развалился по самому центру, раскинув в разные стороны лапы и хвост. Учитывая, что габариты кота были солидные даже в летней форме одежды (или шубы?), то Петр присесть на диван никак не мог: под угрозой оказывались или уши, или шикарный хвост. Задеть их – значит обидеть друга. А устроиться на диване поудобнее хотелось. Самое время почитать газетку, а то и подремать. Тем более, что поднялся молодой человек сегодня очень рано, оседлал велосипед и сгонял на речку искупаться еще до начала присутственного времени. Поэтому пришлось действовать словом:

– Рыжий, а не слишком ты разлегся? – спросил Петр своего приятеля.

Взгляд зеленых глаз и равномерное покачивание лохматого хвоста говорили четко, что все нормально и Тимофей занимает именно столько места, сколько он заслуживает.

– Может ты все же подвинешься? У тебя совесть есть? Я тоже отдохнуть хочу, – молодой человек попытался вразумить кота, он был уверен, что имеет полное право на послеобеденный отдых в уютной домашней обстановке.

Однако зеленые глаза прищурились, потом взгляд был отведен в другую сторону. Зачем двуногому отдыхать? Он и так всю ночь спал. А совесть – это что? Вроде это не едят.

Железманов устал препираться. Он очень любил своего рыжего друга, баловал его и прощал ему многое, особенно после того, как Тимофей раньше самого следователя распознал врага, проникшего к ним в дом. Но все имеет конец. Поэтому Петр прекратил увещевать словами и перешел к действиям: взял лохматую тушку поперек живота и молча плюхнул обнаглевшее животное на подоконник, а сам уселся на диван, прихватив со стола газету.¹

Зверь несколько обалдел от такого резкого перемещения и даже собирался недовольно мяукнуть, но тут понял, что, пожалуй, не особо проиграл. Оказавшись перед окном, он получил возможность обозревать интересную картинку за ним.

Вначале его внимание привлек воробей, прыгавший на ветке. Потом во дворе появился новый персонаж: подвыпивший мужчина средних лет. Судя по одежде, гость был из простых слоев общества, скорее всего, рабочий местного кирпичного завода, у которого алкоголь

¹ Об этом эпизоде рассказывается в романе «Тайна Шипки, или Загадка следователя Железманова». Читайте на ЛитРес: <https://www.litres.ru/>

явно нарушил ориентацию в пространстве. Оказавшись каким-то неведомым образом в чужом дворе, он озибался, стараясь понять, где же находится.

– А что, все перекрасили? – наконец задал он вопрос. Но отвечать самому себе не очень удобно. Ответа не было. Мужчина несколько раз повернулся вокруг собственной оси, и тут алкоголь опять показал свое коварство: пьяный потерял равновесие и рухнул на высохшую почву (к счастью, дождя не было уже несколько дней). Пришлось дальше передвигаться на четвереньках. Тимофей с интересом наблюдал, как этот странный двуногий неожиданно оказался в племени четвероногих. Ради справедливости скажем, что зверя давно занимал вопрос, зачем двуногие передвигаются таким неудобным способом? Ведь опора на две конечности менее надежная, так и упасть недолго. Что, собственно говоря, все двуногие и делают. Вот совсем недавно Прасковья споткнулась на дорожке и чуть не упала. А зимой он собственными зелеными глазами видел, как его двуногий шел домой, поскользнулся на льду и растянулся на дороге. Вот он, Тимофей, с четырьмя лапами никогда не падает на ровном месте. Да и на неровном тоже. Впрочем, небольшое представление за окном закончилось: пьяный сумел принять вертикальное положение и даже сообразить, что зашел не в свой двор, и взял курс в противоположную сторону.

Тимофей повернул голову и глянул в комнату. Двуногий читал газету. Самое время объяснить ему бестолковость этого занятия. Кот прыгнул на пол, подбежал к дивану и точным прыжком занял диспозицию на мужских коленках. Петр опустил газету и спросил животное:

– Обязательно в такую жару устраиваться на мне?

Негромкое «мяу» явно подтвердило, что обязательно. Да, жарко. Но ведь июнь же. Что теперь, забыть про дружбу? Впрочем, Петр уже водил рукой по пушистой спинке. Конечно, летом Тимофей был не такой лохматый, он традиционно переодевался два раза в год. Но все равно, шерсть торчала во все стороны. Гладить пушистую спинку было чрезвычайно приятно. По комнате поплыло урчание. Однако эта уютная картина была прервана: в комнату вошла Прасковья и сообщила, что пришел младший полицейский чин. Похоже, рабочая неделя не заканчивается, а только начинается, намечавшийся, как сейчас говорят, уик-энд судебного следователя Рязанского окружного суда по Касимовскому уезду Петра Андреевича Железманова был прерван вызовом на очередное место происшествия. Такова его служебная участь. Пришлось предоставить спорный диван Тимофею и собираться. Зверь разлегся на диване с видом хозяина и даже не счел нужным хоть как-нибудь высказать сожаление своему двуногому по поводу прерванного отдыха.

– Что случилось? – спросил Петр полицейского, когда они спускались со второго этажа.

– Убийство, ваше благородие.

– Кто потерпевший?

– Мармудов – управляющий в доме Амета Гиреева.

Гиреевы были в Касимове достаточно зажиточными предпринимателями-татарами. Железманов давно уже свyksя с этой особенностью Касимова: в городе жило много татар, часть Касимова составляла достаточно большая татарская слобода, центром которой являлась мечеть, а в уезде был целый ряд татарских деревень. Традиционно в городе было два главных торговых дня: воскресенье и четверг – накануне святой для мусульман пятницы.

Как и все жители средней полосы, татары занимались земледелием, но в то же время активно включались в отходничество и предпринимательство. У кого была возможность – открывали свое дело. Некоторым удалось достичь весьма солидного размаха. Улицы Касимова по сей день украшают красивые и солидные здания бывших татарских магазинов. Вот и семья Гиреевых была достаточно обеспеченной, хозяин держал мастерские, в то же время успешно торговал мехами.

– Заедем за Кауфманом, для осмотра трупа врач нужен, – распорядился следователь. Указание было дано своевременно: врач Осип Сидорович Кауфман (точнее Иосиф Исидоро-

вич, но местным крестьянам это было трудно выговаривать, поэтому вначале они, а потом и все касимовцы стали звать земского врача именно так) жил на одной улице с Железмановым – на Малой Мещанской, и было очень удобно захватить его сразу. В отличие от молодого человека, врач уже успел отбыть в царство Морфея. Послеобеденный сон уж больно соблазнительный. Однако уже минут через 10 доктор стоял на пороге квартиры с кожаным саквояжем в руке. Ему и в голову не пришло высказать недовольство по поводу прерванного сна. Как и Петр Андреевич, Осип Сидорович был настоящим энтузиастом своего дела, не только сладкий сон, но и собственное недомогание или усталость не могли стать преградой для выполнения служебного долга. Мужчины сели в коляску и по дороге обменялись репликами о погоде и купании в Оке – самом приятном летнем развлечении.²

До татарской слободы не далеко, надо только доехать до конца Малой Мещанской, немножко прокатиться по Соборной – главной улице Касимова, и уже через пару минут коляска, переехав Загородную улицу, оказалась на Татарской улице.

Дом потерпевшего находился в середине улицы. О том, где случилось несчастье, было можно догадаться сразу – у входа стоял рядовой полиции. Он козырнул следователю и врачу и подсказал:

– В кабинете... Второй этаж.

Погибший и в самом деле лежал в кабинете хозяина, в центре комнаты на большом ковре. Рядом дежурил другой полицейский – унтер-офицер Рыбников, уже не раз участвовавший с Петром Андреевичем в расследовании уголовных дел. Мужчины склонились над трупом. Потерпевший был высокого роста, крепкого телосложения, одет в добротный светлый костюм и дорогие летние туфли (большинство касимовских татар, имевших хороший доход, носили современную городскую одежду, а не национальные костюмы). Благополучный внешний образ портило отвратительное темное пятно на спине с порезом в центре. Доктор подошел к телу первым, пощупал пульс на шее, а вдруг еще жив? Всякое бывает, резервы человеческого организма непредсказуемы. Но в данном случае жертва была мертва. Кауфман поднял глаза на Рыбникова и попросил:

– Помоги, служивый.

Вместе они перевернули потерпевшего на спину и сняли с него пиджак и сорочку, обнажив грудь и спину. Петру Андреевичу уже без слов медика была понятна причина смерти: на спине отчетливо виднелась достаточно широкая ровная рана. Явно удар был нанесен ножом с широким лезвием. Других ран и повреждений на теле видно не было. Однако говорить это вслух молодой человек не спешил – Кауфман ревностно относился к роли судебного медика. Он осмотрел рану, пощупал торс потерпевшего, проделал еще ряд манипуляций и огласил свой вывод:

– Конечно, нужно провести вскрытие, но предварительно могу сказать, что смерть наступила от одного-единственного удара ножом. Убийца попал прямо в сердце, не похоже, что пострадавший сопротивлялся.

– Да, – кивнул следователь, – следов борьбы не наблюдается, все вещи стоят на месте, ничего не разбросано, не повалено.

– Вот и делайте выводы, молодой человек, – Кауфман порой любил напустить на себя значимость и немного выступить в роли экзаменатора. Его большой служебный опыт позволял иногда покровительственно вести себя по отношению к Петру. Он относился к Железманову с большим уважением, но в силу его возраста, порой начинал вести себя с ним как со своим

² О враче Кауфмане более подробно рассказано в романе «На своем месте, или Новые приключения следователя Железманова». Читайте на ЛитРес: <https://www.litres.ru>.

племянником, метавшимся как раз в выборе жизненного пути, переходя с одного факультета Московского университета на другой. Сейчас врач фактически дал Петру важную подсказку.³

– Значит, убийца и потерпевший были скорее всего знакомы, – понял намек Железманов.

Врач одобрительно улыбнулся и как опытный и доброжелательный экзаменатор подтолкнул собеседника к следующему умозаключению:

– А если посмотреть на телосложение потерпевшего?

– То можно предположить, что убийца был сильный и рослый, – подхватил следователь.

– Я, конечно, еще исследую направление раневого канала, но думаю, что авторство такого удара должно принадлежать высокому человеку, – одобрительно заключил Осип Сидорович, поднимаясь с пола.

– Хозяин где? – спросил следователь Рыбникова.

– В соседней комнате, в себя приходит.

– Зови, – приказал служивому Петр.

Появился хозяин. Вид у него был как и у всех потерпевших, которые оказывались в подобных ситуациях: лицо бледное, руки чуть заметно трясутся. Увидев еще раз труп, он начал нервничать еще больше, нервно теребя четки.

– Вы присядьте, – следователь указал мужчине на стул. Кауфман тоже не остался безучастным, открыл свой саквояж и достал склянку с темной жидкостью. Но хозяин дома, увидев это, остановил его:

– Не надо, ваши капли на спирту, а нам Аллах не велит спиртное употреблять.

– Вы знаете этого человека? – задал дежурный вопрос следователь.

– Конечно, это мой управляющий Бекир Мармудов.

– Вы давно общаетесь?

– Он служил у меня уже три года.

– Живет у вас в доме?

– Да, ему выделена комната.

– Не женат?

– Нет, если бы он надумал, то ему пришлось бы решать вопрос о жилье.

– Какие отзывы о его службе можете дать?

– Хорошие. У меня не было оснований жалеть, что я его нанял. Честный и порядочный. С ним у меня дела хорошо шли.

– Что пропало из дома? Я правильно понимаю, что открыт сейф? – Железманов указал на небольшой, врезанный в стену шкафчик с металлической дверкой. Хозяин дома чуть кивнул головой. Петр Андреевич стал внимательно осматривать дверцу и замок сейфа. Потом обратился к Рыбникову:

– Ты знаешь, где-нибудь поблизости живет слесарь? Беги и приведи его сюда.

Рыбников кивнул головой, он даже не спросил, зачем нужен слесарь. В то время не существовало экспертов, которые могли провести исследование и ответить, своим ключом вскрыли замок или нет. Поэтому чаще всего просили сведущих людей. Для экспертизы замка обычно приглашали слесарей.

– Где хранится ключ от сейфа?

– У меня! – растерянно ответил Гиреев.

– Точнее. Где у вас? В столе? Вы носите ключ постоянно на себе?

– Да, на цепочке вместе с часами.

– Покажите, – потребовал следователь.

³ Так как Кауфман является персонажем реальным, который на самом деле жил в Касимове и оставил о себе славу замечательного и бескорыстного доктора, то и племянник его является персонажем реальным. И не просто реальным, а очень известным – Борис Пастернак, лауреат Нобелевской премии по литературе.

- Гиреев полез в кармашек жилета, куда прятались часы, достал их и небольшой ключик.
- Это единственный ключ или есть еще?
 - Единственный.
 - Вы ему кому-то давали?
 - Нет, никому. Зачем тогда заводить сейф, если представлять ключ всем подряд?
 - И в самом деле незачем, – согласился Петр Андреевич, – дайте мне пока этот ключ, сейчас придет слесарь, и он постарается ответить на вопрос, этим ли ключом был открыт сейф, а сейчас расскажите мне, что хранилось в сейфе? Я правильно понял, что содержимое пропало?
 - Да, правильно. Украдены ценные бумаги, деньги, они были в шкафу, некоторые документы.
 - Какие?
 - Пару счетов, и еще я туда положил план переустройства усадьбы. Его тоже нет. Еще там лежали мои запонки, но самое главное не это – пропали украшения.
 - Какие украшения? Вашей жены?
 - Нет, ее драгоценности лежат в другом месте, у нее в комнате.
 - А чьи?
 - Это не просто украшения. Это реликвия, принадлежащая самой Джанике-ханым, дочери могущественного крымского хана Тохтамыша. Он жил очень давно.
 - Насколько помню, он жил в XIV веке, – озвучил факт отечественной истории Петр. – Он же Москву пожег?
- Потерпевший кивнул головой, а потом добавил:
- Я понимаю, для вас она всего лишь дочь человека, пожегшего Москву, но вы поверьте – это была выдающаяся женщина. Джанике-ханым мудро правила, ее уважали даже враги, она совершила хадж в Мекку, а когда враг напал на город, мужественно защищала его вместе с другими жителями города.
 - А как ее украшения попали к вам?
 - Я их купил год назад в Крыму. Ездил туда отдыхать к родным в Гурзуф.
 - Родственники? – переспросил Петр.
 - Да. Дальние, правда, но у нашего народа принято ценить всех родных.
 - И этот родственник продал вам украшения крымской принцессы?
 - Нет, мой знакомый, мы встретились в кофейне в Гурзуфе.
 - Как его зовут?
 - Александр Федорович Лычагин. Он сказал, что преподает в татарской учительской семинарии в Симферополе.
 - И этот Лычагин предложил купить у него женские украшения?
 - Да, сказал, что это очень выгодное вложение денег, так как это не просто ювелирные изделия, это украшения с историей. К тому же они в самом деле были очень красивыми и тонкой древней работы.
 - Что они собой представляют?
 - Насколько я понимаю, у меня оказалась только часть всех украшений. Накосник-чулпа, ожерелье-чылбыры и одна сережка. Сделаны они из серебра, но работа очень тонкая, использованы полудрагоценные камни: яшма, сердолик, бирюза. Но главная их ценность именно в истории.
 - Почему вы думаете, что это только часть украшений?
 - Во-первых, одну сережку обычно не носят. У человека два уха. Волосы татарские женщины тоже чаще заплетают в две косы, соответственно должен быть и второй накосник. Во-вторых, обычно в комплект еще должны входить браслеты.
 - А откуда у вашего знакомого это все?

– Я же говорю, что он учитель. Образованный человек, читает различные старинные книги, вот в них он и нашел информацию про дочь Тохтамыша, а украшения нашел сам лично в Кырк-Оре.

– Где? – не понял Железманов.

– Кырк-Ор, или Чуфут-Кале, – это старинный город в скалах, вернее то, что от него осталось. Сейчас там уже мало живет народу, это как памятник старины, который осматривают туристы. Он находится недалеко от Бахчисарая в Крыму, где жила и правила Джанике. Она и похоронена там, сохранилась даже ее дюрбе, то есть усыпальница. В этом месте недалеко от нее мой знакомый и нашел эти украшения. Видимо, во время осады города Джанике спрятала свои драгоценности, чтобы они не достались врагам.

– И вы поверили этому всему?

– Естественно, он так увлеченно рассказывал и про Крымское ханство, и про Джанике, и про скальный город, как там жили люди. Он даже нарисовал мне схему этого города, отметил место, где нашел сокровище. Это было очень убедительно. Сразу видно, что образованный человек.

– Хорошо, завтра вы придете ко мне немного успокоившись и мы попробуем нарисовать эти украшения, – предложил следователь хозяину дома.

– Но я не умею рисовать! – воскликнул тот.

– Зато я умею, – успокоил его Петр. – Хорошо, кто знал про эти украшения? Все, кто в доме?

– Нет, не все, – категорически мотнул головой хозяин. – Знала жена, я сказал ей, мой управляющий был в курсе. И мои сыновья тоже. Их у меня двое – Осман и Ибрагим. Они сейчас в отъезде. Вот вроде и все. Дочерям я ничего не говорил.

– А слугам? В доме есть слуги?

– Да, несколько человек, но им про украшения не говорилось. У них есть своя работа, за которую я неплохо плачу и за это рассчитываю, что они будут верно служить мне и не совать свой нос куда не надо. В мое отсутствие им даже не разрешается заходить в мой кабинет.

– А потерпевшему?

– Что потерпевшему?

– Ему разрешалось?

– Вообще я никогда не говорил, что нельзя, но он был хорошо воспитан и сам понимал, что ему в мое отсутствие делать в моем кабинете нечего.

– То есть он не должен быть в вашем кабинете?

– Нет.

– А вы его обнаружили?

– Да, я пришел домой. Зашел в кабинет и увидел его лежащим на полу.

– Вы были в мечети? – Петр вспомнил, что сегодня пятница, а намаз в 12 часов в пятницу многое значит для мусульман, если есть возможность, они обязательно стараются прийти в мечеть.

– Да, но после молитвы я не сразу отправился домой, а пошел в кофейню.

Кофейня – это своеобразный мужской клуб у татар. Пить алкоголь Коран запрещает, поэтому вместо кабака обсудить местные новости татары шли в кофейню.

– А вы ходили в мечеть один или всей семьей?

– Обычно в мечеть в пятницу мы ходим все вместе – я, моя жена, мои дети, слуги.

– И Мармудов?

– И он тоже. Он верный сын Аллаха.

– Я правильно понял, что сразу после намаза вы пошли в кофейню, а ваш управляющий пошел домой, зачем-то зашел в ваш кабинет и там его убили?

– Нет. Не так. Мармудов сегодня вообще не пошел в мечеть.

– Да? – удивился Петр.

– Он всегда ходил, но сегодня сказал, что сильно болит зуб и ему надо к врачу. Поэтому мы всей семьей пошли без него.

– А слуги после молитвы пошли домой или в кофейню?

– Нет, в кофейню я пошел один, жена, дочери и все слуги сразу после намаза возвращаются домой.

– А вы обычно каждую пятницу после намаза идете в кофейню?

– Да, а все остальные мои домочадцы идут домой.

Конечно, бездельничать в кофейне – это привилегия хозяина, а слуги должны работать. Женщинам тоже там не место, им после молитвы надлежало в сопровождении слуг вернуться домой. Немного помявшись, Петр Андреевич произнес:

– Я должен допросить всех ваших домашних.

Нерешительность Железманов проявил неспроста. В татарских семьях еще были сильны патриархальные традиции. Мужчина обязан обеспечить семью и покой своим женщинам – жене и дочерям. В Касимове у татар не было принято многоженство, хотя законы Российской империи разрешали последователям магометанской веры иметь несколько жен. Однако если этим и пользовались, то скорее в Азии. Но в то же время татарским женщинам был присущ непубличный образ жизни, из дома они выходили только по делу – в лавку или мечеть, и желательно в сопровождении слуги. Если в дом приходили посторонние, то женщинам пристало находиться на женской половине и не вступать с гостями в разговоры. Поэтому следователь понимал, что перспектива допроса жены и дочерей Гиреева не обрадует ни их самих, ни хозяйку дома. Естественно, Гиреев напрягся, и Железманову сразу пришлось перейти к убеждениям:

– Поймите, это нужно для следствия, я обещаю быть максимально деликатным.

В этот момент раздался голос Рыбникова:

– Ваше благородие, я слесаря привел.

Слесарь, невысокий юркий мужичок, тоже татарин, с интересом осматривался. Железманов объяснил ему задачу: осмотреть замок сейфа, ключ и ответить на вопрос, был замок взломан или открыт родным ключом. Слесарь взял из рук Петра ключ, вставил в скважину, покрутил, потом еще что-то поколдовал. Минут через пять вынес свой приговор:

– Его не взламывали, все детали целы, ключ проворачивается достаточно легко.

– То есть открыли родным ключом? – уточнил следователь.

– Не может этого быть! – воскликнул Гиреев. – Ключ все время был у меня! Я его никому не давал! А без ключа этот замок так просто не открыть, это самая последняя модель сейфового замка, специально его заказывал. Я не понимаю, как можно было открыть его.

– И в самом деле, ваше благородие, замочек весьма непростой, – поддакнул слесарь. – Родным ключом его открывали, это факт.

– Не я же сам у себя украл деньги, документы, украшения! – воскликнул Гиреев.

– Не знаю, всякое бывает, – пожал плечами следователь. Пока ему ситуация была более чем непонятной. Но тут у него мелькнула мысль:

– Скажи, – он обратился к слесарю, – а если взять этот ключ, сделать по нему оттиск, то можно было бы изготовить ключ, который подошел бы к замку?

Слесарь еще раз посмотрел на ключ, зачем-то кинул взгляд опять на дверцу сейфа, которая сиротливо слегка прикрывала пустое пространство, и ответил:

– Ну, в принципе и такое могло быть.

Железманов бросил взгляд на хозяина дома, тот понял безмолвный вопрос:

– Я нигде не оставлял ключ, он постоянно со мной.

– Но не спите же вы с ним.

– Когда я ложусь спать, то часы и ключи кладу рядом с собой на ночной столик.

– Вот поэтому мне надо поговорить с вашими домашними, может они что-то подскажут для разрешения этой загадки. Иначе мне придется отправить вас в тюрьму.

И видя ошарашенное лицо хозяина дома, добавил:

– Пока у меня основания подозревать только вас. Управляющий убит в кабинете, в него никто не имел права в отсутствие заходить. Сейф открыт родным ключом, убитому нанесен удар, который мог совершить крепкий и сильный мужчина. как раз этим критериям соответствуете. Поэтому лучше дать согласие на разговор со всеми домашними, может быть, они что-то видели или слышали. *вашем ваше Вы вам*

Гиреев кивнул головой, но допрос женщин ничего не дал. Ни жена, ни юные барышни не могли сказать, что хранится в сейфе.

– Не нашего ума дело.

Про убитого они говорили очень мало:

– Батюшка его нанимал, он с нами не общался.

– Были ли у него какие-нибудь споры с батюшкой?

Барышни испуганно мотали головой. События прошедшего дня тоже описывали скупо – утром встали, позавтракали, пошли в мечеть. После намаза встретились со слугами-мужчинами (женщины и мужчины молятся в мечети в разных залах) и пошли домой. Там прошли на свою половину, в кабинет батюшки никто, конечно же, не заходил. Зачем? Посторонних не видели, как и управляющего. Опять же логично: они на женской половине дома, он в мужской. Поэтому трудно было даже установить, когда именно было совершено преступление: во время намаза или после.

При допросе выяснилось, что в доме есть еще одна пропажа – одна из девушек, работающая в доме, заявила:

– Ложки исчезли!

– Какие ложки?

– Столовое серебро!

Столовое серебро всегда было и предметом гордости, символом благосостояния, и в то же время одним из первых предметов интереса воров-домушников. Вообще-то Коран не одобряет использование золотой и серебряной посуды, но время меняет многие правила. В начале XX века многие татарские семьи приобретали вполне светские привычки: носили современную одежду, учили своих детей в гимназиях, даже охотно посещали фотосалоны, чтобы сделать фотографию всей семьей «на память», хотя строгие нормы шариата отрицательно относятся к любым изображениям человека или животного. Поэтому фарфоровая посуда, серебряные ложки и вилки в татарских домах также встречались и являлись как бы как символом семейного успеха в деловых вопросах.

– Больше ничего? – уточнил следователь.

– Там еще в ящике лежала солонка-воробушек!

– Не понял? Какой воробушек?

– Солонка в виде птички. У нее головка отвинчивается, туда соль насыпается, а на макушке дырочки.

– Тоже из серебра?

– Нет, посеребренная только, она не дорогая, просто хозяйке понравилась, а потом она упала, погнулась, там головка стала плохо прикручиваться, и мы ей уже не пользовались, – пояснила служанка.

По словам девушки, серебро и сломанная солонка лежали в ящике комода в столовой. А теперь он был пуст!

– Он запирался?

– Нет.

– Когда в последний раз видели содержимое ящика?

– Неделю назад. Дело в том, что тут лежали не повседневные приборы, а праздничные. Ими пользовались по праздникам или когда приходил гость.

– Пятница – это праздник?

– Да.

– Значит, неделю назад в этом ящике лежало серебро, а сегодня ты его там не обнаружила? А в течение недели ящик не открывали?

– Нет. Зачем?

– Получается, что взять приборы могли и не сегодня, а раньше, только это осталось незамеченным?

Девушка растерянно пожала плечами. Железманов начал опрашивать остальных слуг, пытаясь понять, видел ли кто фамильное серебро с прошлой пятницы. И тут обнаружилась еще одна пропажа: слугу Темира Азаматова нигде не могли найти. Особую пикантность этой информации придавал тот факт, что Темиру временами поручали это серебро чистить! То есть он не раз держал эти вещи в руках и хорошо представлял их ценность. Пришлось опять вернуться к хозяину дома и задавать новые вопросы. К слову сказать, Гиреева весть о пропаже серебра не сильно беспокоила. Видимо, на фоне убийства и пропажи украшений, серебряные ложки и вилки, посеребренная солонка в виде птички беспокоили его меньше.

– Конечно, как и все изделия из серебра, ложки и вилки стоили недешево, я приобрел их пару лет назад в Москве в одном из ювелирных салонов. По моей просьбе на них нанесли гравировкой вензель в виде букв «А» и «Г» – Амет Гиреев. Они, конечно, красивые, но в целом достаточно ординарные, то есть обычные. Поэтому их цена не запредельная, – пояснил хозяин дома. – По сравнению с украшениями крымской царевны Джанике, конечно.

Естественно, следователю надо было разузнать про исчезнувшего слугу:

– А что вы можете сказать о Темире?

– Молодой совсем человек, ему лет семнадцать всего.

– А как он попал к вам в дом?

– Его привел наш старый дворник, он уже умер, а так они из одной деревни.

– Какой деревни?

– Кочек. Это недалеко от Касимова.

– Вы были довольны его службой?

– Ну как, в целом худо-бедно со своими обязанностями он справлялся, но мог забыть что-то сделать или купить. Иногда приходилось напоминать или посылать на рынок дважды. И у меня возникало ощущение, что порой он лукавит.

– Что вы имеете в виду?

– Иногда он говорил, что продавец не полностью ему дал сдачи.

– То есть вы подозреваете, что он подворовывал?

– Может быть.

– А почему вы его не прогнали?

– Ну, в целом он свою работу делал, а так ему все равно отвечать если не передо мною, так перед Аллахом.

– А вы не знаете, у него есть семья?

– Он не женат, но родные у него имеются – родители, два брата и три сестры.

– А они где живут?

– Там же в Кочке.

– То есть я правильно понял, что он старший сын в семье и его отправили на заработки?

– Да, скорее всего так.

– Так. С этим понятно, а какого он телосложения? Высокий, низкий, худой или широкоплечий?

– Особо широкоплечим я бы его не назвал, но высокий, может быть даже чуток выше вас, господин следователь.

Так как Петр Андреевич был обладателем нормального мужского роста, то ему сразу стало понятно, что к слуге надо проявить повышенный интерес. Кауфман хоть и предположительно сказал, что удар ножом был нанесен сверху вниз, но его «предположительно» чаще всего подтверждалось – многолетний опыт есть многолетний опыт. Да и кто как ни слуга мог сделать слепки с ключа? Для очистки совести Железманов задал еще один вопрос:

– Скажите, кроме как бегать на рынок и чистить серебро, у него еще были обязанности?

– Он делал всю работу, которую ему поручали: ходил на рынок, натирал пол, чистил обувь, мое платье.

– Чистил платье? То есть вполне могла быть ситуация, когда ваша одежда, в которой был ключ, пусть ненадолго оказалась в руках вашего слуги? – насторожился следователь.

– Обычно я вытаскиваю часы и ключи, прежде чем отдать пиджак слугам, но должен признать, что не следил за этим особо тщательно и иногда забывал это сделать, – развел руками хозяин дома, глубоко осознавая свою ошибку.

Больше ничего полезного для следствия Гиреев сказать не смог. Железманов задал пару вопросов другим слугам в доме:

– Все ножи, которые были в доме, на месте?

Не только кухарка, но и все остальные слуги кинулись проверять ножи и личные вещи. Нож – вещь необходимая не только на кухне, но вообще в хозяйстве. Поэтому их в доме было несколько. Однако они все были на месте, как купленные для выполнения работ по хозяйству, так и личные.

– А у Азаматова никто не видел ножа, который принадлежал ему лично?

Все пожимали плечами. Конечно, Темира неоднократно видели с ножом в руках, когда он выполнял работу по дому, но был ли это нож хозяина или его личный, никто сказать не мог.

Пожалуй, всю возможную информацию, которую могло дать место происшествия, следователь собрал, можно возвращаться домой, да и время уже было позднее. Кауфман уже давно удалился, проследив, чтобы убитого увезли к нему в клинику. Длинный летний день тоже имеет особенность заканчиваться, и Петр Андреевич к себе возвращался уже в темноте.

В квартире стояла тишина. Жаркий день сморил Прасковью, из ее комнаты доносилось негромкое похрапывание. Впрочем, она тоже добросовестно относилась к своим обязанностям: в гостиной на столе рядом с лампой был оставлен ужин молодому человеку – большая кружка густой простокваши, накрытая сдобной плюшкой с сахаром и корицей. Свежая сдоба источала соблазнительный аромат свежего теста и пряностей. Рядом на блюдечке примостилась горка полевой земляники. Только сейчас Петр понял, что проголодался. Он поспешил вымыть руки, вернулся к столу и, бросив часть ягод в простоквашу, с наслаждением откусил от плюшки. Негромкое «мяу» напомнило ему еще об одном жильце квартиры. Тимофей уселся рядом со столом и выразительно посмотрел на молодого человека.

– Ты что голодный или просто соскучился? – уточнил у зверя Петр, потом отломил небольшой кусочек плюшки и бросил коту. Но тот, обнюхав подношение, остался к нему равнодушным. Конечно, выпечка – это не совсем кошачья еда, но к некоторым мучным изделиям зверь проявлял гастрономический интерес. В этом плане его можно назвать горячим поклонником блинов. Особенно если обильно помазать их сметанкой. Петр все же сделал вывод, что кот скорее соскучился, чем проголодался: в конце концов, из-за жары окно было открыто и ничто не мешало голодному зверю пойти на охоту. При том, что молодой человек любил своего лохматого друга, делился с ним и молоком, и даже ветчиной, кот в первую очередь кормился натуральным парным мясом, которое еще совсем недавно пищало или (только тсссс!) квохтало. Зверь терпеливо дождался, когда его двуногий насытится, и подошел к стулу. Чуть заметный перевод взгляда зеленых глаз снизу вверх, которым делался расчет прыжка, и уже

на коленках у молодого человека устраивался поудобнее рыжий клубок, а потом по комнате поплыло размеренное урчание. «Я знаю, ты устал, но ничего, я сейчас спою тебе песенку, ты меня погладишь, и это очень расслабляет ваши нервы, двуногие», – слышалось в этом мурлыканье.

– Да, ты угадал, я устал, вечер был хлопотный, – согласился Петр, продолжая гладить кота. Тот заурчал еще громче.

– Дело неприятное, убийство – это всегда мерзко, – продолжал молодой человек.

Кот на секунду замолчал, давая понять, что в служебной практике его двуного уже были сложные дела и он их успешно расследовал. Правда, не без его помощи. Разве можно забыть про дело, когда он, кот Тимофей, узнал, кто преступник, раньше своего двуного? Поэтому он и сейчас готов протянуть лапу помощи, если нужно.⁴

Правда двуногий был настроен оптимистично:

– Похоже, что ничего особо сложного в этом деле нет. Пока все подозрения ложатся на этого слугу Азаматова. Он работал в доме, вполне мог сделать слепки с ключей от сейфа и даже, зная, что хозяин после намаза идет пить кофе, проникнуть в его кабинет. Там его застукал управляющий.

Зеленые глаза дали понять, что нельзя быть таким самонадеянным: есть некоторые спорные моменты. Железманов кивнул головой:

– Да, тут есть некоторые вопросы, которые надо уточнить. В первую очередь, как Азаматов узнал, что в сейфе очень ценное украшение? Про столовое серебро и запонки – это понятно, он работал в доме, а вот про украшения с историей ему не сообщалось... Но он мог элементарно подслушивать разговоры под дверью кабинета. Бывают не только любопытные коты, но и слуги.

Тимофей отвел взгляд в сторону, давая понять, что никаких намеков не принимает, а Петр Андреевич продолжал:

– Также не ясно, как вообще эти двое, Азаматов и Мармудов, оказались в кабинете, куда обоим заходить в отсутствие Гиреева не позволялось?

Кот улегся поудобнее, давая понять, что думать надо как следует, и Железманов выдвинул предположение:

– Азаматов мог иметь давний умысел обокрасть своего хозяина, добыл ключи, выбрал время, когда на мужской половине никого нет: сыновья хозяина в отъезде, а сам он пьет кофе, – и пошел вскрывать сейф. Но тут вышла накладка: управляющий мучился зубами и не пошел в мечеть. Он мог услышать, что в кабинете хозяина кто-то ходит, пошел проверять, и Азаматов на него напал.

Чуть заметное покачивание рыжего хвоста можно было оценить как одобрение, но небольшое, ибо подумать было еще над чем. Железманов продолжал:

– Получается, что Азаматов пошел в кабинет хозяина с ножом? Планировал, что тот потребуется? Хотя парень в принципе просто мог носить с собой нож всегда, так как постоянно выполнял хозяйственную работу... Возможно, управляющий даже не понял, что слуга является опасным: зашел в кабинет, увидел слугу, отругал, даже не заметив сразу, что сейф вскрыт, потребовал уйти (скорее всего, пообещал сказать хозяину) и повернулся к двери. Тут его ударили ножом. Рост слуги как раз позволяет нанести подобный удар.

Морда Тимофея выражала удовлетворение. Все же умного двуного он себе выбрал!

Петр Андреевич подвел черту:

– Словом, сейчас задача номер один: искать этого Азаматова. Тогда все остальные моменты станут ясными, завтра поеду в Кочек, может быть он там. А сейчас давай спать.

⁴ Об этом эпизоде рассказывается в романе «Тайна Шипки, или Загадка следователя Железманова». Читайте на ЛитРес: <https://www.litres.ru/>.

Зверю этого можно было не говорить, он уже начал подремывать. Железманов встал и с котом на руках пошел в спальню.

Утро следующего дня было также солнечным и теплым. Самое время опять купаться на реку, но Петру Андреевичу пришлось повременить с летними удовольствиями выходного дня. Преступление эффективнее расследовать по горячим следам. Поэтому после завтрака молодой человек поспешил к Кауфману в земскую больницу. Он не сомневался, что доктор будет на месте, в своем кабинете. Так оно и случилось. Разговор с медиком много времени не занял:

– Как и говорил вчера, удар был один-единственный, но нанесен точно и сильно. Прямо в сердце. Поэтому смерть наступила практически мгновенно. Могу добавить, что преступник использовал нож с широким лезвием. Скорее всего, обычный хозяйственный нож, каких в каждом доме по несколько штук. Это вам не изящный стилет или шпага, которые говорят о благородном происхождении их владельцев и намекают на некую индивидуальность, – развел руками Осип Сидорович, словно извиняясь за отсутствие уникальной информации.

– А направление удара?

– Сверху вниз под небольшим углом, так что не ищите убийцу среди низкорослых. Скорее всего злодей был примерно одного роста с пострадавшим, ну может чуть повыше. И физически развит, конечно.

– И больше ничего примечательного? – Железманов все сохранял надежду получить какую-нибудь зацепку.

– Ничего особого. Пострадавший ничем не болел, вполне здоровый мужчина.

– Он сказал хозяину, что у него болят зубы. Это так?

– Не могу ответить однозначно. Пару зубов у него и в самом деле было бы неплохо подлечить, но вроде бы они пока не в таком состоянии, чтобы причинять сильную боль. Хотя это может ощущаться индивидуально, – пожал плечами врач.

– Еще один вопрос. Ножа в ране не было, значит, его вынул убийца. Должна ли была при этом брызнуть кровь? Нужно ли искать следы ее на одежде подозреваемого?

– Искать нужно всегда, а этом случае особенно: кровь скорее всего брызнула из раны, если нож вытащили сразу.

Железманов поспешил на улицу. Вчерашние предположения стали фактами, убийца – человек высокого роста, обладающий хорошей физической силой. Исчезнувший слуга Азаматов как раз именно такой: рослый, выполнял в доме хозяйственную работу, естественно, умел обращаться с ножом. Скорее всего, ничего особо загадочного эта история не представляет – слуга, случайно подслушав информацию о драгоценностях, позарился на богатство, попытался его украсть, но был застигнут управляющим. Отступать было некуда, а тут в руках очень кстати оказался нож. Осталось всего ничего – поймать этого молодого человека. С одной стороны, задача на первый взгляд трудновыполнимая. Где его искать-то? Скорее всего, в бега подался. С другой стороны, он же не опытный преступник. Отработанных путей, чтобы скрыться, у него нет. В гостиницу или на постоялый двор просто так не сунешься: хозяин обязан полиции доложить о каждом прибывшем-выбывшем, как и те, кто комнаты сдает в частном порядке. В других городах, кстати, тоже. Поэтому в какой город Российской империи не приедешь, все равно данные в полицию пойдут. По лесам и болотам долго не побегаешь. О воровских малинах и притонах, где охотно давали приют тем, кто был в розыске, ему ведомо не больше, чем обычному обывателю. Поэтому попадется в руки полиции быстро. Более того, нельзя исключать, что домой к себе в Кочек поедет. Вот туда и надо отправляться в первую очередь. А чем черт не шутит? Может к вечеру Петр Андреевич уже чистосердечное раскаяние будет в протокол заносить? В том, что молодой слуга будет каяться, и каяться искренне, Железманов не сомневался. Все говорило о непреднамеренном убийстве. И даже если и нет Азаматова в родном Кочке, то ехать все равно надо: дотошно расспросить родных про всех знакомых в городе,

скорее всего Тимир родне все рассказывал про свое житье-бытье в Касимове, может и появится какая ниточка. Естественно, поехал следователь не один, взял с собой унтер-офицера Рыбникова и пару рядовых полиции: при обыске в сельском доме лишними не будут.

В Кочек приехали примерно в полдень, когда солнце палило нещадно. Глава семьи был дома и, когда услышал, что приехали из суда и полиции, взмахнул руками:

– Зачем полиция? Зачем следователь? Мы по закону живем! Аллах свидетель!

– Увы, допросить Аллаха я не могу, – покачал головой Петр Андреевич. – А вот к вам у меня вопросы имеются. Ваш сын Тимир дома?

– Какое дома? Он в Касимове живет, у господ хороших служит.

– А дома он часто бывает?

– Когда как, иногда раз в месяц приезжает, иногда чаще. Он у хозяина служит, тот ему спуску не дает.

– А последний раз когда он приезжал? Давно?

– Вчера приезжал. Побыл всего ничего, пару часов всего, и опять уехал.

– А говорили о чем?

– Сказал, чтобы не ждали его скоро. Хозяин его собрался уезжать, сына нашего с собой берет. И обещал ему жалование повысить, поэтому Тимир сказал, что скоро пришлет денежный перевод.

Собрался уезжать? Интересно! Гиреев об этом не говорил. Может быть, Азаматов подался в бега, а родителей обманул, чтобы они не искали его?

– Он ничего не оставлял? Может просил сверток какой-нибудь схоронить, подарки привез?

– Да нет. Откуда у него свертки?

– А он вообще какие-нибудь подарки делал?

– Делал. Платок один раз матери привез, леденцами на палочке младших угощал, но не вчера.

– Может он из одежды что оставил?

– Нет, а в чем бы он обратно поехал?

– А не обратил внимание, на нем рубаха чистая была? На ней никаких пятен не было?

– А какие пятна могут быть? Вчера праздник был, как бы он в грязной одежде в мечеть пошел?

И все же пришлось начинать обыск. Вначале осмотрели комнату, которая может называться мужской, потом были вынуждены попросить хозяина:

– Скажи женщинам, чтобы вышли во двор, мы должны все обыскать.

Однако в доме ничего подозрительного обнаружено не было. Впрочем, еще оставался двор и хозяйственные постройки. Амбар, конюшня, сарай – все это тоже представляло интерес. Железманов и Рыбников вышли во двор, где, играя в какую-то игру, бегал мальчик лет семи. Неожиданно у него в руке сверкнуло что-то. Рыбников позвал ребенка к себе:

– Эй, малец, поди сюда! Иди, не бойся!

Мальчик несколько ступешался, на помощь полицейскому пришел Петр Андреевич:

– Тебя как зовут? Меня Петр, я тоже в детстве любил в прятки играть и в разбойников тоже.

– А я не в прятки играю, – вполне логично возразил мальчик. Правильно, в прятки надо играть компанией.

– А ты мне расскажешь, во что ты играешь? Что у тебя в руке? Покажи.

Ребенок подошел ближе и показал предмет, который сжимал в ладошке. Это была небольшая металлическая птичка! Петр взял ее в руки и рассмотрел внимательно. Так и есть: на макушке дырочки, бок чуть погнут, головка завинчена не полностью. Солонка из дома Гиреевых! Петр Андреевич достал из кармана карандаш и предложил мальчику:

– Давай меняться? Я тебе это, а ты мне это, – он показал на солонку.

Это сейчас может показаться, что карандаш вряд ли представляет интерес для ребенка. Но в начале XX века далеко не в каждой семье покупали карандаши детям. Поэтому подобная сделка была вполне реальной. В результате этого честного обмена Железманов держал в руках настоящую улику: предмет, пропавший из дома потерпевшего. Значит, именно Тимир Азаматов украл столовое серебро в доме своего хозяина. Украл и подался в бег. Поэтому и наврал про отъезд с хозяином. Деньги обещал присылать, значит, надеется сбыть украденное. Птичку взял просто как подарок брату: понимал, что ценность ее небольшая. Версия начинала подкрепляться фактами.

– Скажи, а откуда у тебя эта птичка? – Петр Андреевич начал расспрашивать ребенка.

– Брат подарил, – гордо ответил тот.

– Хороший у тебя брат, добрый. А когда он тебе это подарил?

– Вчера.

– А больше он тебе ничего не привозил?

– Привозил, – так же гордо кивнул головой мальчик.

– Что?

– Курочек.

– Каких курочек?

Мальчик подбежал к крыльцу и с лавки взял известную детскую игрушку той эпохи: на деревянной доске сидели две птички, к ним была привязана веревочка, и если дергать за эту веревочку, то птички начинали стучать клювами по дощечке. Железманов опять начал опрашивать родственников слуги, выясняя, что он привозил и что рассказывал о своей жизни в Касимове. Подарки молодой человек делал не так уж часто. Нет, младшему брату и сестрам он обязательно доставал гостинчик, но чаще всего это были именно копеечные сладости – леденцы на палочке, дешевые пряники. Игрушки дарил всего раза два или три. Так же по пальцам можно пересчитать, сколько раз делал подарки матери или отцу. Про свое житейе рассказывал однообразно: хозяин хороший, строгий, но не вредный, платит, правда, немного, но это только пока, потом, наверное, будет платить больше.

– А про своих знакомых он ничего не говорил? – настаивал на подробностях Петр Андреевич.

– Каких знакомых? – удивился старший Азаматов, он никак не мог смириться с тем, что его сына подозревают в преступлении.

– Ну, может, ходил куда, может, дружил с кем за пределами дома Гиреева? Он не рассказывал?

– Ну, в мечети он бывал. Это обязательно. В лавку его посылали и на базар тоже.

Петру не верилось, что подозреваемый в Касимове ограничил свой круг общения только домом Гиреева и людьми, которые обслуживали его хозяина. Он даже был готов допустить наличие зазнобы. Но спрашивать об этом было бесполезно. В татарских семьях принято выбирать супругу по совету родителей, а не приводить невесту на смотрины. Поэтому если и была такая девушка, то молодой человек вряд ли сказал про нее. Тем более он был удивлен, когда старик напрягся и вспомнил:

– Был однажды такой случай: Тимир собрался уходить, я решил его проводить до ворот, в руках у меня была шапка и я ее уронил, нагнулся, стал отряхивать, словом, Тимир оказался первым в воротах, и там с ним поздоровался какой-то человек, и он спросил Тимира: «Завтра у липы будешь?»

– А что ответил Тимир?

– Он сказал, что-то вроде «Иди отсюда и не болтай».

– А кто это, ты не видел?

– Нет. Ворота были закрыты, Тимир только открыл калитку. Но голос был молодой.

– А сына ты не спросил, кто это был?

– Спросил. Он сказал, что это был какой-то незнакомый парень и, наверное, тот просто обознался.

– А может ты признал его по голосу?

– Нет, я первый раз его слышал.

– А про какую липу говорил этот человек?

– Липу? Не знаю.

– Ну у вас тут в деревне растут липы?

– В лесу может и есть где, а так сосны кругом.

Петр Андреевич растерянно покрутил головой, словно надеясь увидеть ту самую липу, про которую говорил незнакомец. Но кругом деревьев вообще не было, если не считать пары березок и плодово-ягодных кустов, во множестве выглядывающих из-за заборов. Получалось, что никакой вменяемой зацепки не было, кроме как упоминания про липу, и то непонятно где прораставшую.

Именно об этом размышлял Железманов после обеда. Хорошая порция окрошки с ржаным хлебом и не менее солидный кусок жареной рыбы вызвали желание поспать. Но рабочий день следователя по Касимовскому уезду (хотя и суббота) не закончился, вечером ему еще надо было встретиться с Гиреевым. А сейчас чутко передохнуть и в то же время подумать. Петр Андреевич устроился на диване, слегка кемаря и в то же время прокручивая информацию в голове. Рядом устроился верный Тимофей. Он тоже находился в состоянии между сном и бодрствованием, понятно, что потроха от рыбы достались ему, поэтому зверь пребывал в самом лучшем расположении духа и был готов помогать своему двуногому решать очередные головоломки.

«Итак, Азаматов похитил украшения, запонки и ложки. Плюс еще бумаги. Это подтверждается. Теперь он подастся в бега. Где его искать? Притонов, скорее всего, не знает, в гостиницу устроиться он может, но ведь там сообщат в полицию. Возможно, что молодой человек даже не знает, что существует такой порядок, и поэтому как раз и попытается остановиться в гостинице, тогда мне уже на следующий день сообщат. Информацию для розыска полиции я дал», – размышлял Железманов, поглаживая кота. Зверь, развалившись на диване, одобрительно мурлыкнул, намекая, что двуногому можно не сходить пока с этого дивана, ибо информацию ему и так сообщит все тот же Рыбников.

– Неее, подожди, рыжий, я понимаю, что тебе не хочется поднимать свое тело с этого дивана, но нужно задействовать еще один канал информации. Ты забыл про похищенные ценности? Украденные бумаги Азаматов, скорее всего, сжег, а вот украшения и запонки – это след, – остановил любимца Петр.

Кот чуть шевельнулся, показывая, что, конечно, он готов услышать про еще один канал информации, но лучше все же не шевелиться и, самое главное, никуда не ходить по такой жаре.

– Нам надо обязательно обойти все ломбарды и дать им информацию про столовое серебро, украденные украшения, запонки. Вот только Гирееву птичку-солонку покажу для подтверждения и рисунок украшений этой крымской принцессы составим, – продолжал следователь. – Вряд ли преступник их крал, просто чтобы дома хранить, ему деньги нужны, вот и пойдет сбывать.

Кот широко зевнул, вроде как говоря, что теперь и поспать можно. Однако его двуногому пришла в голову еще одна мысль:

– Вот что имел в виду незнакомец, когда говорил «будешь у липы»? Условное место у конкретного дерева? Только где это дерево?

Петр Андреевич стал напрягать память, пытаясь вспомнить, где в Касимове он видел липовые деревья. Ему удалось вспомнить пару мест, где стояли большие липы, и как раз сейчас они были источником пряного медового запаха (время цветения наступило), но рядом были

вполне респектабельные жилые дома и никаких публичных учреждений. Конечно, молодой человек понимал, что просто наивно вспомнить все липовые деревья в городе, вот так сидя на диване. Опять же надо ножками обходить город и смотреть на деревья. Хотя... Тут Железманов слегка подбросило: а может не дерево имелось в виду, а название? Называют же иногда чайные или трактиры так, что географический ориентир был ясен. Например, «У дуба», «На перекрестке». Опять же надо Рыбникова спросить.

Желание задать вопрос унтер-офицеру окончательно разбудило Петра Андреевича. Он принял вертикальное положение. Звук, который раздался сбоку, заставил повернуть голову. Если Железманов совершил переход от дремоты к бодрствованию, то его зверь последовал в противоположном направлении и предался сну. Причем делал это с упоением, развалившись на спине, раскинув лапки и заразительно храпя на всю комнату.

– Ах, так ты? – укоризненно покачал головой Петр, – я тут голову ломаю, думаю из всех сил, а ты вместо того, чтобы подсказать, помочь, в кусты. Ты мне друг или кто?

Ответа не последовало. Молодой человек даже слегка пихнул животное в мягкое пузечко. Но что толку? Весь вид зверя говорил, что он лучше всего знает, что надо делать, и если некоторые не хотят последовать его примеру, то это только их проблемы и ничего более.

Железманов встал, подошел к умывальнику, ополоснул лицо водой (увы, прохладной ее не назовешь – нагрелась за день), вытерся полотенцем и пошел на работу. Его служебный кабинет находился в здании мировых судей на Соборной площади. Его строило земство, которому обычно было свойственно экономить в меру и думать об удобстве людей. Поэтому оно было и привлекательное внешне: двухэтажное с арочными окнами, – и удобное внутри. Не успел молодой человек устроиться за служебным столом и проверить наличие чернил в чернильнице, как в кабинет вошел Гиреев.

– Здравствуйте, господин следователь. Я пришел, как и обещал, – было видно, что предприниматель старается быть вежливым, хотя не считает данный визит нужным и полезным. Ловить преступников дело полиции и следователя, а он тут при чем?

– Доброго дня, господин Гиреев, присаживайтесь, а у меня как раз для вас новости, – кивнул головой хозяин кабинета.

– Да? – удивленно вскинул брови потерпевший. Было очевидно, что он сильно удивлен. Такой оперативности он не ожидал.

Следователь достал бланк протокола допроса и поверх бумажного листа положил солонку-птичку, изъятую в доме Азаматова.

– Вам знаком этот предмет?

Допрашиваемый взял солонку, покрутил ее в руке и с удивлением констатировал:

– Да, это моя вещь.

– Вам делали ее на заказ?

– Нет, я купил ее в лавке. Она не дорогая, просто птичка понравилась.

– Но по каким приметам вы ее признаете своей?

– Ее уронили один раз, и она погнулась, – потерпевший указал на небольшой дефект птички. – К тому же у нее сбилась резьба и она плохо завинчивается.

Петр попробовал открутить голову птичке («Видел бы в этот момент меня Тимофей!»), получилось не сразу. Резьба и в самом деле сбита.

После этого Петр Андреевич задал еще ряд вопросов, которые обсуждали вчера, надо было зафиксировать показания письменно. Свидетель неохотно повторял и периодически вскрикивал:

– Ну я же вам уже вчера это рассказывал!

Следователь невозмутимо давал понять, что можно повторить и второй раз. В целом работа шла достаточно споро, показания оформлялись должным образом, и Железманов торжественно произнес:

– А теперь приступим к художественному творчеству, – с этими словами он достал еще несколько листков чистой бумаги, два тщательно отточенных карандаша и ластик.

– Предлагаю действовать следующим образом: вы в самом общем виде кружочками, ромбиками и треугольниками рисуете внешний вид украшений, а потом стараетесь мне как можно более подробно описать детали, я их пытаюсь нарисовать, а вы мне подсказываете, что так или нет, – пояснил он свои приготовления.

Конечно, Гиреев был художником, как сейчас говорят, от слова «худо», но в большинстве учебных заведений до революции в расписании обязательно стояло рисование, поэтому хоть какие-то навыки в этой сфере у татарского предпринимателя были. Чуть поколебавшись, он взял в руки карандаш, и на бумаге стали появляться треугольники и овалы.

– Вот, наконечник-чулка. Он в виде таких треугольников, только уголки у них сглажены немного, два треугольника друг над другом, соединены колечком, а к уголкам такие два красивых кружочка, а к нижнему треугольнику еще и по центру, – пояснял и рисовал свидетель.

– А на этих треугольниках и кружочках было что-то?

– Да, было. Узор растительный. Листочки и завитушки.

– Так? – начинал рисовать Петр.

– Нет, – поправлял свидетель, – листочки более вытянутые.

Так совместными усилиями появился первый рисунок. Потом так же нарисовали другие украшения.

– Только тут не сплошной металл, тут скань, и она такими завитушками идет, – свидетель пытался показать направление завитушек, Железманов своей более твердой рукой выводил линию, и свидетель одобрительно кивал головой. После пары часов работы были сделаны рисунки украденных украшений и запонок, тоже изготовленных из серебра, с вензелем из букв «А» и «Г». Теперь будет что показывать в ломбардах, да и в Рязань надо послать письмо с просьбой в тамошних ломбардах предъявить. Конечно, в современные дни эти действия не заняли бы много времени и сил, рисунки с украшениями были бы помещены в сканер, и через пару минут перед следователем лежало бы уже несколько десятков копий. А также за считанные секунды на сканере можно было изготовить электронную копию и послать рисунок по электронной почте, и уже через пять минут в Рязани распечатали бы данное изображение и передали неограниченное число копий в ломбарды и ювелирные магазины. Наверное, Петр Андреевич сильно бы позавидовал современным технологиям, если бы имел возможность о них узнать. Но ее у него не было, поэтому завидовать ему было нечему, да и некогда. Надо было работать в реалиях начала XX века. Поэтому копии можно было только от руки перерисовать (для ускорения дела под копирку, благо она уже существовала) или попросить местного фотографа сделать фотокопию. А вот с отправкой рапорта в Рязань с изображением украшений варианта вообще не было: только почтой. Обычной, не электронной. Минимум сутки уйдут.

Сегодня он уже ничего сделать не мог, оформив все бумаги, отпустил Гиреева и сам пошел домой. На улице смеркалось, звуки летнего дня будили воображение – в кустах сердито ругались коты, на деревьях тоже слышалось какое-то оживление. Словом, жизнь кипит, в отличие от зимы, ощущения праздника добавляли и запахи. Пахло сеном, отчасти навозом, неожиданно добавилась еще одна тонкая и удивительно приятная нотка: запах липы. Наверное, ни одно лиственное дерево средней полосы не пахнет так чарующе. Петр Андреевич всегда любил этот аромат, но сегодня среагировал как гонимая собака: стал озиаться и искать источник запаха. Он шел от совсем молодого деревца, мимо которого молодой человек проходил много раз, но не обращал внимания. Следователь стал озиаться и смотреть, что находится рядом. Им оказался торговый дом Дьяконова. Самый шикарный и дорогой магазин в Касимове. Лавок там было много, но все они предлагали товар для солидного кошелька. Вряд ли

Азаматов делал там покупки, если только дружбу водил с каким-либо приказчиком. Петр еще раз посмотрел на молодое деревцо и решительно пошел домой. Отдыхать тоже надо!

Выходной у Петра оказался именно выходным. Он с удовольствием сходил искупался, потом до обеда с отставным военным Сергеевым немного потренировался в фехтовании, а вторую половину дня посвятил чтению. У Тимофея была своя программа выходного дня, только под самое утро в окне появилась довольная рыжая морда.

В понедельник Железманов сделал все как положено: изготовил копии рисунков, написал и отправил рапорт в Рязань, проинструктировал полицейских насчет примет Азаматова и украденных украшений, запонок и отправился в утомительное путешествие по касимовским ломбардам и ювелирным мастерским, опрашивая продавцов, не сдавал ли кто похожие предметы, а также ложки с вензелями, и строго инструктируя, чтобы не забыли сообщить, если все же принесут подобное. Гулять по улицам в полуденный зной дело мало приятное, но делать нечего, служба есть служба. При этом Петр Андреевич поймал себя на том, что он рассматривает деревья, выискивая липы. Конечно, несколько деревьев на его пути повстречались. Это были и молодые деревца, и роскошные взрослые деревья, от которых исходил сказочный аромат. У каждого из них молодой человек остановился и осмотрелся, уточняя, что находится рядом. Но пока чего-то, что однозначно заставляло насторожиться, не встретилось. Был жилой дом с довольно респектабельной публикой, городской парк, одно дерево росло напротив технического училища, несколько деревьев зафиксировал у Успенского оврага и на набережной. Что могло быть тут интересно Тимиру Азаматову? Ладно, если бы рядом был ларек, чайная или кофейня, кабак, публичный дом, наконец. То есть место, где бы могли регулярно собираться люди. Пока ничего. Хождению по городу следователь посвятил только часть дня: жарко и остальными делами надо заниматься, у него по ним люди вызваны – воровать и драться не прекращали и в самую жару, хотя некоторое снижение интенсивности криминальной активности наблюдалось.

На следующие утро во время завтрака Железманов размышлял, успеет ли он сегодня обойти все оставшиеся ломбарды. «Надо с этого начать, пока еще не так распалилось», – думал он, отправляя в рот ложку гречневой каши с молоком. И не сразу понял, что Прасковья его о чем-то спрашивает.

– Петр Андреевич, как вам молочко? Хорошее? – повторила вопрос женщина.

– Да, вполне нормальное, а что? – удивился молодой человек. Обычно все, что покупала и готовила Прасковья, было качественным и свежим. Хозяйство она вела разумно, деньгами не сорила, но и скопидомством не страдала, покупать более дешевое, проигрывая в качестве, было не в ее правилах. И к продавцам она подходила требовательно, выбирала надежных, которые не будут в погоне за сиюминутной выгодой подсовывать плохой товар.

– Да вот кот его пить не стал, – кивнула работница на зверя, который и в самом деле только лизнул из блюдечка и устроился умыться на диване.

– Так он сытый просто. Ночью пиратствовал, ему молоко за ненадобностью, – пояснил он и обратился к животному: – Так, рыжий? Ночью ведь не ночевал, шатался по чужим птичникам? Смотри, будешь у меня все Уложение о наказаниях уголовных и исправительных учить...

Кот на эти слова никак не отреагировал, только более интенсивно продолжил нализовать лапку и протирать ею мордочку, словно стараясь смыть улики с собственных щек. Вечно двуногий все преувеличивает...

– А так оно нормальное? Ну молоко-то?

– Хорошее, – опять упокоил женщину Петр Андреевич и, доев кашу, все же спросил:

– А что ты так за молоко переживаешь? Вроде и раньше Тимофей иногда от молока отказывался, когда удачно поохотился.

По большому счету Прасковья особой любви к коту не питала, порой у нее со зверем вспыхивали локальные войны, поэтому забота про невыпитое молоко удивила молодого человека.

– Так я не за него переживаю, за вас. Просто я сегодня молоко не у Липы брала, она к родне поехала, молоко не принесла, я у другой хозяйки взяла. Первый раз у нее покупала, а тут кот есть не стал, вот я и обеспокоилась, а вдруг оно плохое? – объяснила свои переживания женщина.

Петр Андреевич насторожился:

– У кого ты берешь молоко? У липы?

– Да у Липы! Она хозяйка справная, коровы у нее всегда ухоженные, вы не переживайте, она скоро вернется, и я снова у нее буду брать.

– Липа – это имя?

– Да. По святцам она Филиппия, но так говорить проще. Вот ее все и называют Липой.

Хорошо, что Петр уже доел кашу, а то мог бы подавиться. Как он сам-то не догадался? Липа – это не только дерево, но и имя! И в самом деле, в русском языке есть женские имена, которые могут образовывать уменьшительную форму Липа. Молодой человек бросил ложку и бегом кинулся в соседнюю комнату, которая одновременно была и спальней, и кабинетом. Там на полке среди других книг стояли святцы. Петр раскрыл книгу и стал просматривать женские имена. Да, вот есть Филиппия, а еще Олимпиада Константинопольская. Указывается Евлампия, в принципе девочку или женщину, крещеную таким именем, тоже могут называть Липой.

Так что тогда может обозначать фраза «Ты у Липы будешь»? Очень даже многое. Во-первых, так могут звать любовницу. Да-да, именно в самом прямом смысле этого слова, то есть женщину, с которой молодой человек состоит в связи. Мусульманские традиции предписывают строгие нормы не только для женщин, но и для мужчин. Добрачная связь осуждается для лиц обоего пола. Однако не всегда и не все соблюдают предписанные правила. Некоторые молодые люди, как христиане, так и мусульмане, придя на заработки в города, вырвавшись из-под контроля старших, спешили познать все радости жизни. Вполне возможно, что и Тимир Азаматов нашел себе зазнобу и бегал к ней тайком. Вот у нее он сейчас и схоронился и делать это может успешно довольно долго. Она его будет поить, кормить, утешать, прятать. Как искать эту даму сердца? Конечно, Филиппии, Олимпиады, Евлампии встречаются несколько реже, чем Мани и Тани. Однако имя – это не единственный признак. Скорее всего, полюбовница Тимира – это не юная незамужняя девушка. Такая вряд ли будет жить одна, а отец, дядя или старший брат не позволят молодому человеку находиться в доме. Даже если Липа живет без родителей, например, является прислугой в доме, хозяева вряд ли разрешат жить в доме приятелю служанки. Ходить вместе по улицам – это пожалуйста. А ночевать вряд ли. Даже если барышня себе позволит переступить определенные нормы, то тоже исключительно тайком от своих хозяев где-нибудь урывками на сеновале. Поэтому на постоянный кров молодой слуга мог рассчитывать у женщины постарше: вдовы или солдатки, которая осталась одна и, самое главное, на правах старшей в доме. Она может быть и намного старше Тимира. Страстные романы юношей с тридцати- или даже сорокалетними женщинами в жизни не редкость. В принципе, найти обладательницу редкого имени не так трудно, через полицию вполне можно составить список всех возможных кандидаток.

Во-вторых, формулировка «У Липы» может обозначать то же, что предполагалось и ранее – название публичного места: чайной, трактира. При этом название может быть неофициальным, то есть не по вывеске, а по имени хозяйки или буфетчицы. Работает какая-нибудь разбитная бабенка в трактире, может на вывеске «Три пескаря», а все привыкли говорить: «У Липы». Тогда искать будет намного труднее.

Закончив завтрак (как говорится, война войной, а обед по расписанию), Петр выстроил график работы на сегодня. Вначале все же надо закончить обход ломбардов, пока это самый перспективный источник потенциальной информации. Когда в последнем из них состоялся нужный разговор, были даны самые горячие заверения, что если кто-то принесет хоть один предмет из нарисованных, хоть одну самую маленькую ложечку с вензелем «АГ», то тут же доложат в полицию или непосредственно ему, следователю. Выйдя на улицу, Петр Андреевич понял, что находится недалеко от улицы Татарской, на которой располагался дом Гиреева, и решительно повернул к нему. Он хотел поговорить еще раз со слугами: они друг про друга иногда многое знают.

Неожиданным было то, что в доме его ждали, и да еще с огромным нетерпением!

– Господин следователь, я все утро вас ищу! – с упреком бросился Гиреев к молодому человеку.

Железманов испытал небольшое угрызение совести: он с утра, не заходя к себе в кабинет, отправился в рейд по ломбардам, вроде как и не прохладился, по делу ходил, но, оказывается, его люди ждали. А с другой стороны, ну не может он разорваться на части...

– Что случилось?

– У нас тут ночью было такое! Он приходил! – всплеснул руками хозяин дома.

– Кто? Азаматов?

– Да, наверное, он приходил.

– Что значит «наверное»?

– Я не видел точно. Было темно.

– Так, – остановил свидетеля Петр, – начинайте все сначала и по порядку.

– Ночью я спал не очень хорошо, жарко. Примерно в пять утра понял, что проснулся окончательно. Решил зажечь лампу и почитать.

– Простите, у вас с супругой разные спальни?

– Да, она спит в другой комнате.

– Значит, вы проснулись, зажгли свет, на часы посмотрели?

– Да, было 5 часов 15 минут, поэтому я точно знаю время, и тут я понял, что книги на столике нет, точнее я вспомнил, что забыл ее в кабинете, и решил сходить за ней.

– В кабинете был чужой?

– Да, когда я подошел к двери, то услышал в кабинете легкое поскрипывание, там у меня половицы немного скрипят, и понял, что за дверью кто-то есть! – голос Гиреева слегка задрожал.

– Что вы сделали? – Железманову передалось волнение свидетеля.

– Я открыл дверь и увидел темную фигуру.

– Лица не разглядели?

– Увы, нет, но в целом было видно, что мужчина, причем высокий и достаточно худощавый, еще могу сказать, что он достаточно ловкий, скорее всего это молодой человек.

– Почему вы так решили?

– Очень просто. Он залез в окно. Когда я вошел в комнату, он бросился ко мне, толкнул меня, а сам бросился к окну и через него покинул дом.

– А окно было открыто?

– Да, жарко же! – с некоторым удивлением ответил хозяин дома.

– Ну, пойдемте в ваш кабинет, посмотрим, – предложил следователь.

В кабинете ничего особенного он не увидел, злоумышленник не оставил каких-либо значимых следов. Вернее, было видно, что ночной гость покопался в бумагах на столе.

– Что-то пропало?

– Да вроде бы все на месте, – растерянно произнес Гиреев. – Вот настольный прибор у меня недешевый, так он на месте. Словом, ничего ценного не пропало.

– А не ценное?

– Это как? – не понял Гиреев.

– Ну, может быть, исчезла какая-нибудь мелочь. Бумаги не пропадали? – пояснил Железманов.

– Да вроде все на месте.

Следователь приступил к осмотру окна. Дни были жаркие, поэтому почва была сухая, соответственно, на отпечатки обуви рассчитывать не приходилось. Конечно, скорее всего, остались отпечатки пальцев на раме. Про дактилоскопию тогда уже было известно, она применялась, но преимущественно в столицах, а в провинции у Петра Андреевича не было специального оборудования. Вместе с хозяином дома он вышел на улицу и стал осматривать все под окном. Как неизвестный залез в окно, было понятно: под ним росло небольшое дерево рябины. Оно услужливо выполнило роль лестницы, но и в то же время выступило в роли хранителя следов: на одной из веточек Петр Андреевич обнаружил небольшой кусочек ткани – классический след любителей лазить по деревьям. Каждый, кто в детстве этим занимался, переживал хотя бы один раз этот казус: на веточке оставался небольшой клочок одежды, и потом приходилось ставить заплатку.

Следователь аккуратно снял улику и поднес ее к глазам. Ткань была светлая, из такой обычно шьют мужские рубашки. Жалко только, на клочке не был написан адрес злоумышленника.

– Выходит, пригреб я змею в доме, – сокрушался хозяин.

– Вы про Азаматова?

– Да, про него. Дал ему кров, работу, а он отплатил мне злом.

– То есть вы уверены, что ночью к вам приходил именно Азаматов?

– А кто же?

– Но что ему было нужно?

– Я думаю, он просто хотел обокрасть меня еще раз.

– Но вы же сами сказали, что ничего не пропало, – покачал головой Петр, у него начали в душе копошиться чуть уловимые ноты сомнений. Он сам не мог объяснить, что и как его настораживает, но что-то было, пусть пока еще неосознаваемое. Железманов решил для начала сделать то, ради чего шел в этот дом: допросить подробно слуг об Азаматове. Понятно, что в день, когда был обнаружен труп, все были напуганы и многое могли упустить, по-любому их надо было бы допрашивать второй раз, что называется на свежую голову. Часть вопросов касались потерпевшего – Бекира Мармудова. Но про него отвечали неохотно, особенно относительно взаимоотношений управляющего и хозяина.

– Не ругались они? – пытался узнать следователь.

– Нет, как можно. Да и не нашего ума это, у них свои дела, у нас свои, – отмахивались слуги. Про Азаматова разговор шел чуть лучше:

– Он покидал дом? – спрашивал Железманов прислугу, как мужчин, так и женщин.

– Ну, у нас это не принято, мы вроде как на работу нанимались, вдруг хозяину что нужно будет, – пожимали плечами женщины, а вот мужчины отвечали на этот вопрос не так уверенно.

– Не принято – это понятно, а как на самом деле было? – проявлял настойчивость Петр Андреевич, при этом стараясь всем видом показать, что хозяину он не скажет про такую мелочь, как несанкционированные отлучки из дома. И в конечном итоге молодой человек добился своего: собеседники признали, что временами слуги мужского пола покидали дом за рамками официальных выходных, которые давал хозяин. Такие самоволки были различными по продолжительности: кто-то убегал на полчаса, чтобы купить что-нибудь в ближайшей лавке, а кто-то и целую ночь отсутствовал. Особо старались не наглеть, такое случалось не часто, но факт остается фактом: у Тимира вполне могла быть жизнь за пределами дома. Про него было четко сказано, что он периодически отлучался на несколько часов. Куда? Вот

этого толком никто не знал, но подробности были интересные. Вспоминали, что парнишка возвращался порой очень веселый, с радостью приветствовал товарищей, даже лез обниматься. В такие минуты старшие с осуждением подумывали, уж не выпил он? А иногда Тимир приходил мрачный как туча, молча проходил к своей койке, ложился, повернувшись лицом к стенке.

– Так может он к девушке ходил? То поругаются, то помирятся? – предположил Петр Андреевич.

Старшие опять осуждающе покачивали головой: в исламских семьях себе жен сами не выбирали, следовали советам отцов.

– Может он подарки какие покупал? Платочки? Конфеты? – допытывался следователь, иногда по подаркам можно установить того, кому они предназначались.

– Конфеты покупал, леденцы на палочке, пряники, ну так это своим младшим, а вот платком один раз всего похвалился, сказал, что хочет матери подарить, – отвечали свидетели.

Тут выяснилась интересная деталь: Азаматов порой искал, у кого занять. Суммы были небольшие: копеек 20—30. Интересно зачем? Хотел купить подарок этой самой Липе? Как ни старался Железманов, а добиться координат полюбовницы Азаматова у него не получилось. Опять не понятно, где искать этого юного татарина. Пришлось снова провести разъяснительную работу с полицейскими чинами: пусть выявляют всех женщин с нужными именами, которые живут без мужей по любой причине – умер, служит в армии, ушел на заработки, и приглядываются к ним, нет ли в доме посторонних.

Еще несколько дней прошло в ожидании и повседневной рутине следственной работы: допросы и обвинительные заключения по другим делам, от которых никто его не освобождал. Но Петр Андреевич был уверен, что информация по делу о краже украшений обязательно появится. И это случилось к концу недели. Суббота и первая половина воскресенья прошли вполне спокойно, была возможность отдохнуть, никто не подрался в этот выходной день, никто не украл чужую курицу. Следователь, как и все простые смертные, просто отдыхал. Искупаться в этот день не получилось – погода настроилась на мрачный лад, но зато можно было потренироваться в стрельбе и просто спокойно почитать.

Примерно в полдень на квартире следователя появился Рыбников. Вернее, в коридоре раздался сердитый голос Прасковьи:

– Выходной день сегодня, до завтра подождать нельзя? Все честные люди отдыхают, – бурчала она.

Впрочем, и сам Петр Андреевич, и Рыбников к таким выступлениям были привычные и просто не обращали внимание. Тимофей тоже не одарил визитера вниманием.

– Нашел полюбовницу?! – обрадовался следователь.

– Не совсем, – махнул рукой Рыбников, но по его виду было ясно, что информация у него ценная.

Рассказ его и в самом деле был примечательный. После службы в храме Рыбников прогуливался по городу, только не по Соборной улице, а по окраине в районе Овражной улицы, мало чем отличавшейся от деревенской: одноэтажные деревянные, кое-где покосившиеся домишки составляли основу пейзажа, в грязи копошились куры и утки, дворовые собаки деловито облаивали прохожих, коты лениво валялись на крылечках. Здесь селилась городская беднота, часто снимали углы крестьяне, пришедшие из деревни на заработки. Внимание унтер-офицера привлекла забавная сценка. Низенькая крепенькая поневница выволакивала на улицу щуплого долговязого мужичка, обильно посыпая его спину ударами своих кулачков, а также периодически вцепляясь ему в волосы и всклокоченную бородавку. Экзекуцию бабенка сопровождала воплями и криками:⁵

⁵ Поневница – женщина из крестьянского сословия. В Касимовском уезде, как и в ряде других, обязательным элементом женского костюма была понева – клетчатая юбка.

– Ирод! Что наделал! Убийец чистый! – рыдала она.

И даже не крик «убийец» привлек внимание служилого, и даже не контраст в телосложении участников этой сценки: невысокая, но крепенькая женщина лупила высокого и худого мужчину. Больше его занимала реакция самого мужика, который не сопротивлялся побоям, только иногда пытался уклониться. Лицо его не выражало практически никаких эмоций, словно так и положено – начинать воскресный день с избияния мужа женой. Одет он был также странно: старые, забрызганные грязью подштанники, застиранная косоворотка, а сверху на нем болталась не менее старая безрукавка. Обут в лапти, тоже явно неновые.

– Эй, ты почто благоверного мутузишь? – вступился за избиваемого Рыбников скорее ради мужской солидарности, чем из-за служебного рвения: на рабочих окраинах всякое бывает, да и влезать в семейные отношения дело неблагодарное...

– Ирод проклятый! Погубит он нас, все по миру пойдем! Ребятишки маленькие еще! – запричитала женщина, награждая супруга очередным тычком.

– Так уж погубит? – воскликнул служитель закона.

– Опять всю неделю мурцовку есть будем.⁶

– Так в чем дело? – стал настаивать Рыбников, ситуация его заинтересовала.

– Проигрался опять, ирод! Опять у Липы этой гадины был, всю получку спустил. А завтра за квартиру платить. На что мы жить будем? – не унималась крестьянка.

– Проигрался? – начал понимать ситуацию унтер-офицер. – В карты, что ли? Много?

– Ну да, в карты! Три рубля спустил! Все зарплату недельную! И неделю назад то же было. И так на мои копейки перебивались, мурцовкой питались. Он уж так неделю назад клялся, что последний раз. Так клялся и – нате вам – опять проигрался.

– Прости меня, Маня! Не буду больше, вот тебе крест! – неожиданно подал голос мужик.

– Так ты и неделю назад это говорил, обещал! – еще больше зарыдала женщина. – А вчера вечером деньги получил и опять все проиграл, он вон одежду и ту всю проиграл, сапоги были почти новые, кафтан, картуз – тоже вполне добротные еще были.

Рыбников понял ситуацию. Она была вполне банальной. Рабочие, измученные тяжелой рабочей неделей, были рады расслабиться в выходной. Однако из-за низкого образовательного и культурного уровня выбор способов проведения досуга был невелик. Чем мог заняться неграмотный рабочий в свой законный выходной? Читать не умеет, а если даже грамотен, то привычки такой нет или купить печатную продукцию не на что. Кинематограф тогда уже существовал, но к уездным городам только подбирался. В Касимове как раз начали строить здание кинотеатра на Соборной улице. Театров в помине не было. Про телевидение и Интернет тогда не слыхивали. Оставалось одно – в кабаке водку пить и в карты играть. В карты в царской России играли все: мужчины и женщины, дети и взрослые, знатные и незнатные, богатые и бедные. Играли и просто так, и с азартным интересом: на щелчки, перышки, гимназические завтраки, деньги, имения. Проигрывали целые состояния, сходили с ума. В этом и вся особенность карточной игры: страсть не знает границ, она заставляет жертвовать все и отдавать все. У кого были заводы и имения – отдавали заводы и имения, а у кого не было имения – спускали свою зарплату и последние сапоги с картузом, а потом сами и вся семья буквально перебивались с хлеба на воду.

Пройти мимо Рыбников не мог по двум причинам. Во-первых, он услышал знакомое имя Липа, во-вторых, само по себе заявление должно было вызвать интерес у добросовестного слуги закона. Дело в том, что хоть в карты и играли все подряд, содержание притонов, где играли на деньги, законом преследовалось. Поэтому он задал еще пару вопросов:

– А Липа – это кто?

⁶ Блюдо беднейших слоев населения, состоящие из воды, хлеба и растительного масла.

– Да гадина она самая настоящая, всех смущает, каждую субботу у нее играют, без копейки наших мужиков оставляет, – запричитала женщина.

– То есть Липа – это содержательница игорного дома? – догадался Рыбников.

– Она, скотина такая, – рыдая произнесла женщина. – Вовлекает мужиков наших, как в субботу получку на заводе получают, так идут к ней, кто половину проиграет, кто все. Вон мой даже вещи проиграл, ирод проклятый. Мы из деревни приехали, на кирпичный завод устроились, думали, хоть тут полегче будет, а он все проигрывает, комнату снимаем, за нее платить надо, детей кормить надо.

– Так? – Рыбников повернулся в сторону мужичка, который смущенно переминался с ноги на ногу. В ответ он только кивнул головой.

– Пошли со мной, – приказал ему полицейский.

– Это куда его? На цугундер? За что? Помилуй, батюшка, он больше не будет, – зашлась в рыданиях женщина, вцепляясь в плечо мужа.

– Да не рыдай так, поговорить нужно, через пару часов получишь своего благоверного, – успокоил ее унтер-офицер.

– Словом, сидит этот невезучий игрок у вас в коридоре, я сторожу приказал приглядеть за ним, чтобы не сбежал, – закончил доклад Рыбников.

Надо ли говорить, что, несмотря на выходной день, Железманов поспешил в свой рабочий кабинет? Там с отрешенным видом на стуле примостился тот самый мужичок в странной одежде. Хорошо, что погода теплая, не замерз в подштанниках.

– Давай, друг сердечный, рассказывай, где тебя так замечательно приодели, – обратился к нему следователь.

Мужчина молчал.

– В карты играешь? – спросил напрямик Петр.

Последовал молчаливый кивок.

– Ты, я надеюсь, язык не проиграл. Давай-ка не кивай, не мотай, а отвечай нормально. Где играешь?

– В доме одном, – наконец начал говорит свидетель.

– Где находится?

– На Овражной, в самом конце улицы.

– Показать сможешь? Как часто играете?

– Да кто как, многие каждую субботу приходят.

– А по воскресеньям играете?

– Ну, у кого деньги остались, те и в воскресенье приходят.

– Кто хозяин?

– Ее Липой зовут. Она там хозяйка.

– Процент себе берет?

– Да. С выигрыша несколько копеек обязательно себе удержит.

– А если кто без денег приходит, в долг дает? – не особо большой служебный опыт молодого следователя уже сформировал представление о нравах таких игорных домов.

– Дает, и вещи покупает, некоторые так и приходят: денег нет ни копейки, они ей картуз предлагают или ремень в надежде отыграться и выкупить, она бросит копеек 10 или 20, вещь себе забирает. Ну, кому-то удастся потом выиграть и себе опять свою вещь забрать, – рассказывал рабочий.

– Во что играете?

– В «Три листика».

– Ааа, – протянул Петр, он не любил карты, хотя немного играть тоже умел. Во-первых, гимназические каникулы, проведенные в Одессе среди уличных мальчиков, прибавили Петру это умение. Во-вторых, по долгу службы ему приходилось знать многое, в том числе и про кар-

точные игры, принятые в низах общества. Карточные игры бывают разные, некоторые требуют логического мышления, умения просчитывать на много шагов вперед. Другие отличаются примитивизмом, построены на удаче и везении. «Три листика» была именно такой игрой. Неграмотным или малограмотным рабочим было не до логических построений преферанса, их как раз привлекали такие простенькие игры типа «Три листика», создававшие иллюзию возможности внезапного и быстрого обогащения, поэтому игорный дом на окраине Касимова каждую субботу был полон. И вроде никого играть не заставляли, можно просто сидеть и смотреть. Но, как правило, зрители быстро становились участниками игры, тем более что первоначальная ставка буквально копеечная – одна или две копейки. Но потом сумма, стоящая на кону, постепенно растет, иногда уже доходит до трех рублей. Очень соблазнительно, потратив копейку, отхватить такой куш! Только заканчивается это часто именно так: семья остается без денег, хорошо если хоть уходили в той же одежде, что приходили. Железманову было и жалко мужика, и в то же время он недоумевал, как можно давать себя раздевать до такой степени? Впрочем, это был вопрос не просто философский или этический, а еще и правовой: содержание притонов с азартными играми и в самом деле попадало под одну из статей Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Надо было оформлять показания официально. Плюс еще был очень важный вопрос: ⁷

– А татар среди вас не было?

– Татар? Было пару человек. Но они не часто приходят, им вроде нельзя это.

Азартные игры для мусульманина такой же харам, как и употребление алкоголя. Поэтому если кто из татар вовлекался в этот порок, то тщательно скрывал от знакомых и семьи. Если Азаматов стал посетителем этого игорного дома у Липы, то понятно, что он и словом никому не обмолвился.

– А парня по имени Тимир Азаматов не было? – Петр подошел к самому главному вопросу.

– Тимир? – напрягся мужчина.

– Да, Тимир, высокий, темноволосый, молодой.

– Так они все чернявые, ваше благородие. Вроде был такой, только он не часто приходил.

– Удачно играл?

– Да как все. Пятак выигрывает, рубль проигрывает.

– А вчера его не было?

– Нет.

– А сегодня игра продолжится?

– Наверное, если кто придет, ну, у кого деньги остались, то будет игра.

Теперь стало понятным, куда Тимир уходил в «самоволку», почему возвращался в разном настроении. Выигрывает – приходит веселый, готов со всеми обниматься, проигрывает – приходит злой. Понятно, для чего взаймы просил, да и почему на преступление решился, тоже понятно. Игра – это настоящая форма зависимости, игрок не может не играть. Ему деньги всегда нужны.

– Так, ты сейчас нам покажешь этот дом, потом пойдешь домой, на вот тебе 50 копеек, чтобы жена не прибила, – следователь вынул несколько монет из кармана. – И самое главное – никому ни слова! Скажешь кому что, из свидетелей переведу в обвиняемые.

Конечно, он блефовал в чистом виде, ни при каком раскладе эта жертва азарта не могла оказаться в обвиняемых. Но откуда это знать малограмотному рабочему? Напугать надо обязательно, а то разболтает всем подряд. А вечером как раз можно будет взять полицию и наведаться в этот веселый домик, с одной стороны, и про Тимира можно будет узнать – вдруг он

⁷ О летних каникулах Петра в Одессе рассказано в романах «На своем месте, или Новые приключения следователя Железманова» и «Одесские каникулы следователя Железманова». Читайте на ЛитРес: <https://www.litres.ru/>

там и околачивается? А с другой стороны, как ни крути, надо в отношении этой Липы дело возбуждать и пресекать ее незаконный бизнес.

Вечером Железманов вместе с унтер-офицером Рыбниковым и еще с несколькими полицейскими заняли наблюдательный пост в доме на Овражной улице. Хозяева дома страшно перепугались, когда увидели на пороге молодого человека в сопровождении людей в форме. Но следователь объяснил, что предмет их интереса в доме напротив, им нужна только точка обзора. Пока ждали и смотрели, разговаривали с хозяевами. Естественно, беседа шла о жильцах дома напротив. Точнее о жиличке. Говорили про нее много, охотно и преимущественно осуждающе.

– Мужа у нее нет. Старики давно померли, некому к порядку призвать. Вот она и нашла себе забаву и заработок одновременно: стала мужиков принимать, в карты у нее играют.

Тем временем сумерки сгущались. К дому стали подтягиваться мужские фигуры. Становилось очевидным, что и сегодня игра состоится. Когда число визитеров достигло десятка, Петр Андреевич решил: пора! Приказав одному полицейскому дежурить у входа, он решительно потянул на себя дверь, она оказалась незапертой, хозяйка игорного дома так привыкла к безнаказанности, что даже не приняла элементарных мер безопасности. Поэтому и следователь, и его спутники легко попали в комнату, где за столом сидели несколько игроков. Еще несколько мужчин стояли у стены, посматривая на игру со стороны. На столе лежали карты, кучка медных монет, стоял графин с мутноватой жидкостью. «Даже на казенную водку поспешила, поит игроков самогоном», – подумал Петр Андреевич. Впрочем, это было сейчас не самое главное.

– В карты играем? – спросил он.

– Играем, ваше благородие, – простодушно заявил один мужчина. Ему в голову не приходило, что все происходящее является противозаконным.

– А во что играете?

– В «Три листика», – ответил тот же голос.

– А ставка велика?

– 15 копеек, – ответил другой мужчина, который судя по всему был жутко раздосадован, видимо, удача пока улыбалась ему и он надеялся на легкое обогащение.

– Да что ты врешь? – раздался визгливый голос. Железманов посмотрел вглубь комнаты и увидел владелицу притона: женщину лет 35, весьма миловидную, но со злым взглядом.

– Что ты врешь? Какая ставка? Просто сидим, разговоры разговариваем, вот водочки чуток приголубили в честь воскресенья. Ну перекинулись слегка в картишки, подумаешь. Только ставки никто не делает, – визжала она.

– Ага, и деньги просто так на столе лежат, – кивнул головой Железманов, потом внимательно посмотрел на присутствующих и сказал:

– Что не комплект у вас сегодня? Тимир Азаматов есть?

Мужчина, который высказывал сожаление о прерванной игре, живо отозвался:

– Нет.

– А так бывает?

– Бывает, ваше благородие.

Следователь потребовал отвести Липу в другую комнату и не сводить с нее глаз, а сам достал бумаги и стал допрашивать игроков, которые достаточно охотно подтверждали, что играли на деньги, что собираются каждые выходные, что Липа удерживала процент от выигрыша, давала в долг под залог вещей. Словом, полный состав преступления, о котором вчерашние крестьяне, пришедшие на заработки в город, просто не догадывались. Зато Липа понимала, что влипла, поэтому злилась и первоначально вообще отказывалась разговаривать со следователем. А тот не настаивал, сказал просто:

– Мы у тебя обыск проведем!

Результат был замечательный: несколько серебряных ложек с вензелем «АГ» были извлечены из комода. «Скорее всего, планировал на них не просто сыграть, но и выиграть по-крупному, а потом сбежать с деньгами. Поэтому родителей обманул, что уезжает. А вот деньги, возможно вполне искренне, собирался присылать. Если выиграет. Но не случилось!» – подумал Петр.

– Откуда это у тебя? – этот вопрос он был обязан задать. В принципе и ответ можно назвать вполне логичным, хоть и не правдоподобным:

– Подарили!

– Кто же тебе такие дорогие подарки делает?

– Не твое дело, ваше благородие. От кого хочу, от того подарки и принимаю, я дама незамужняя, свободная, мне отчитываться не перед кем.

– Боюсь, что ты не понимаешь тяжести своего положения. Наверное думаешь, что тебя просто на содержании игорного дома взяли? За это ты, конечно, ответишь. Показаний свидетелей хватит с лихвой. Тюрьма тебе обеспечена. Но за эти ложечки можно не просто в тюрьму попасть, за них светит тебе каторга на долгие годы.

Липа ошарашенно подскочила:

– С чего это вдруг мне каторга? Я что убила кого?

– Вот получается, что убила. Ты про убийство в доме Гиреева слышала?

Женщина молчала, про громкое преступление она была в курсе. К счастью, убийства не случаются каждый день, поэтому преступление в доме Гиреева стало резонансной новостью среди местных сплетниц.

– А что из дома столовое серебро пропало, в курсе?

Женщина мотнула головой. Вот это она и в самом деле могла не знать. Придется провести политинформацию о текущем моменте:

– Так вот, у хозяина дома, где произошло убийство, пропало столовое серебро – ложки, вилки, ножи как раз с таким красивым вензелем «АГ» – Амет Гиреев. Поняла? – Петр Андреевич специально говорил крайне равнодушным тоном, стараясь дать понять Липе, что ее судьба уже предрешена. Но самой Липе это очень не понравилось:

– Да что же это такое делается? Ну, играли у меня люди, ну, подумаешь, на деньги, это признаю. Так что же теперь, на меня и убийство повесить? Да откуда мне знать, кто откуда вещи берет, которые мне несут.

Железманову именно это и надо было:

– Ты правильно сообразила, что лучше признать содержание игорного дома и получить за это несколько месяцев тюрьмы, чем отрицать все и оказаться на каторге. В твоих интересах говорить правду. Значит, эти ложки тебе принесли?

– Да. А что?

– Кто именно?

– Татарин этот. Молодой. Вроде Тимир его зовут. Ну он из дома Гиреевых.

– Знаешь, где искать Азаматова?

– Откуда? Мне никто адресов не оставляет.

– Он сам пришел или его кто привел?

– Привел Никита с кирпичного завода. Первый раз они вместе пришли.

– Фамилия у Никиты есть?

– Не знаю, может фамилия, может просто кличут его так, но его еще называли Щербатым.

В принципе, это уже зацепка. Не так уж много рабочих на кирпичном заводе, чтобы не найти там Никиту, то ли прозываемого Щербатым, то ли имеющего такую фамилию. На следующий день, с помощью мастера на заводе опросив рабочих завода, следователь имел записанный на клочке бумаги адрес. Плюс описание внешности и еще устную характеристику этого

Никиты: ленивый, грубый, водились за ним и запои, и прогулы. Вот и сейчас его на работе несколько дней нет, на его место уже другого парня приняли.

Адрес, написанный на бумажке, обозначал неприметный домишко на одной из улиц Касимова, расположенной почти на самой окраине города. Жила там одна пожилая чета, у которой взрослые дети уехали на заработки. Супруги освободившимся местом распорядились просто: отгородили угол избы простынкой и стали сдавать его приезжим на заработок рабочим. Естественно много за подобные «апартаменты» не выручишь, но и на такое жилье находились клиенты, у кого-то денег совсем мало. Именно таким жильцом и был Никита Шепелев (Щербатый – это все же прозвище). Когда подошли к дому, хозяин как раз вышел во двор. Можно было просто спросить:

– Жилец твой дома?

– Дома они, проходи, водку пьют, ироды, – пробурчал мужчина.

– Они? У тебя сколько жильцов-то?

– Вначале Никита был, а сейчас он второго привел, обещался платить больше, но пока и за себя должен.

Поставили охрану под окно и дверь и пошли внутрь. За столом сидело двое молодых парней, бутылка с самогоном, огурцы, черный хлеб дополняли картину. Было видно, что пьют уже долго и преуспели в этом деле: красный цвет лица выдавал достаточно сильную степень опьянения. Особенно это было видно на Никите – белокуром парне с прозрачной кожей (приметы дали на кирпичном заводе). А вот его собутыльник сразу вызвал ассоциации с южными народами – черные волосы, смуглая кожа, карие глаза. Увидев гостей, оба парня вскочили, Никита бросился наперерез полиции с криком:

– Беги, я их задержу.

Чернявый парень бросился к окну, Железманов кинулся к нему и был отброшен достаточно сильным ударом. Никита в этот момент пытался сбросить с себя Рыбникова, поэтому догонять чернявого все равно надо было Петру. На его счастье чернявый оказался недостаточно ловок в перелезании лавок и едва не упал, и следователь уже ухватил край рубахи, дернув ее на себя, он окончательно лишил равновесия ее обладателя, который свалился на пол. Однако в этот момент Никита сумел сбросить с себя унтер-офицера, схватить со стола бутылку водки и разбить ее об угол стола. Розочка – страшное и универсальное оружие воровских притонов на все времена. Перед лицом Петра оказались острые края стекла. Началось переминание из стороны в сторону, фактически фехтование, только не по мушкетерским правилам. Но именно занятия фехтованием очень помогли следователю в настоящий момент: он несколько раз ушел от выпадов грозным оружием, более того сумел перехватить руку молодого человека и начать ее выкручивать, в конечном итоге у него это получилось, но с небольшими потерями: края стекла скользнули по плечу. Хорошо, что в начале XX века мужчины не носили легких футболок с короткими рукавами, иначе глубоких ранений с перспективой инвалидности было бы не избежать. Но тогда одевались в более плотную одежду и рукава закрывали всю руку, это существенно смягчило поражающую силу розочки. Петр отделался легкой царапиной и порванной сорочкой. Он успел ударить противника ногой, получилось удачно: попал по голени, и на пару секунд парень замер от боли. В это время чернявый поднялся с пола и сделал еще одну попытку прорваться к окну. Но зачем-то ведь ставили постового к окну? Он и пришедший в себя Рыбников скрутили второго. Потом помогли Петру связать Никиту. Следователь с интересом смотрел на чернявого парня и понимал, что тот идеально подходит под приметы разыскиваемого татарина:

– Ты Тимир Азаматов?

– Я.

– Вот ты-то мне и нужен.

– А ты кто?

- Следователь я, Петр Андреевич Железманов.
- И чего тебе надо?
- Разговор один есть.
- Большой?
- Чуть короче среднего, но сейчас судя по всему он удлинится...

Задержанный поник, а Петр приказал делать обыск в доме. Результат был неоднозначный: нашли кое-что из столового серебра. Те самые ложки и вилки с вензелем «АГ». И все. А украшения крымской принцессы так и не были обнаружены. Запонки тоже. Денег всего несколько медных монет, облигаций из сейфа Гиреева тоже не было.

- Украшения где? – спросил он Азаматова.
- Какие украшения?
- Такие, которые в кабинете твоего хозяина хранились, и ты их украл.

– Не крал ничего! – заверещал Тимир. Потом он неожиданно затрясся всем телом и зарыдал. У парня началась самая настоящая истерика, после которой он впал в какое-то оцепенение. Железманов испугался и послал за Кауфманом. Тот осмотрел задержанного, накапал ему какой-то резко пахнувшей жидкости и вынес свой вердикт:

– Ничего страшного. Обычная истерика и шок на нервной почве. Его даже пожалеть можно: он, наверное, много дней был в постоянном нервном напряжении из-за своего долга. Думаю, что завтра задержанный будет вполне адекватен. А пока советую дать ему передохнуть. Что и вам не мешает, – закончил Осип Сидорович, подозрительно оглядывая порванный рукав следователя. Убедившись, что там его помощь не нужна, доктор повторил свое пожелание про отдых и покой и отбыл восвояси.

Дома Петру пришлось выдержать бурчанье Прасковьи по поводу безнадежно испорченной сорочки. Домашняя работница искренне заботилась о молодом человеке. Она яро возмущалась, когда ее работодателя вызывали ночью на работу или ему надо было уезжать по делам («да кто же вам там готовить будет?»). Сегодня она жалела не сколько рубашку, хотя и ее тоже («это надо же, расход какой!»). В первую очередь она переживала за молодого человека, понимая, что ему чудом удалось избежать серьезного ранения. Несмотря на постоянные трения с этой неповоротливой двуногой, Тимофей проявил солидарность с женщиной. Он тоже всем своим видом и сердитым мяуканьем показывал, что крайне недоволен поведением своего двуногого: не можешь охотиться – нечего лезть в это дело. Сиди дома, книжки читай. А то вздумал без когтей и клыков ловить там кого-то. Самое главное – кому потом лечить этого неразумного двуногого? В прошлый раз сколько потребовалось его кошачьего умения, чтобы плечо Петра перестало болеть? Вот то-то же. Правда, Петр имел что сказать своему лохматому другу по поводу его претензий:⁸

– Можно подумать, ты сам никогда не дрался? Кому я несколько раз раны промывал? А кто являлся с разорванным ухом? – припомнил он зверю. Зеленые глаза отвернулись в сторону. Подумаешь, он же кот, у него бороться за свою территорию – это видовой признак, его другие коты на смех поднимут, если он уйдет без боя. Самое главное: победителем вышел? Вышел! Какие тогда вопросы?

Утром следователь собрался идти в тюрьму, но допрос Тимира пришлось снова отложить. Посыльный доложил, что следователь потребен в деревне за 20 верст от Касимова на происшествие. Случившиеся было печальным и весьма обыденным для российской деревни: напившись до потери разума, молодой крестьянин стал бегать с топором за домочадцами, принимая их за демонов. На крик прибежали односельчане, но они опоздали: буквально на их глазах жертва зеленого змия зарубила топором свою жену, которая пыталась спрятать от смертель-

⁸ Тимофей намекал на ранение, который Петр получил в Одессе. Об этом эпизоде рассказывается в романе «Одесские каникулы следователя Железманова». Читайте на ЛитРес: <https://www.litres.ru/>

ной опасности двоих детей. Два дня Железманову пришлось потратить на допросы свидетелей, а потом и самого обвиняемого, который, придя в себя немного от пьяного угара, никак не мог понять, почему жена не желает дать ему попить огуречного рассола от похмелья. Следователю пришлось решать еще один крайне тяжелый в моральном отношении вопрос: принять участие в судьбе детей алкоголика, которые в одночасье лишились обоих родителей. К счастью, мать и отец обвиняемого, то есть бабушка и дедушка детей, согласились взять сирот к себе и им больше не грозила голодная смерть. Но это не спасло Петра от возвращения домой в крайне подавленном состоянии. Ему было жалко всех: и молодую женщину, так безвременно погибшую, и детей, лишившихся родителей и нормальной семьи, и даже самого алкоголика. Молодой следователь был уверен, что если бы жизнь в русской деревне не была такой тяжелой, если бы были другие способы проведения досуга, кроме как выпивки, то желающих заглядывать в бутылку стало меньше.

Тимофей проникся мрачным настроением своего двуногого друга и отложил свои планы пошататься (на что был большой мастер) и весь вечер провел дома, стараясь развлекать Петра, и даже снизошел до ловли бантика на веревочке. Взрослые коты обычно этим не занимаются. Но ради друга можно отбросить принципы вида.

На следующий день Петр Андреевич отправился в тюремный замок. Вначале он попросил вызвать Никиту, следователя искренне мучило любопытство, почему молодой человек так рьяно рвался защищать Азаматова? Сообщники?

Но эту версию задержанный отмел сразу:

– Я к делам Азаматова не причастен, может он там и обокрал кого, только мне до этого дела нет. Я ни при чем.

– А что тогда на меня с розочкой кинулся?

– Да испугался, что на меня хозяин заявил.

– За что?

Никита немного помялся и признался, что имел привычку иногда выносить с завода кирпичи и сбывать их налево. Обычное дело для российского обывателя.

– А что, кто-то покупал по два-три кирпича? – удивился Петр.

Парень развел руками. Мол, если бы не было желающих, то не воровал бы. Петр не стал погружаться в криминальные дела на кирпичном заводе (все равно заявлений от владельца завода не было, а ущерб незначительный), его интересовали другие вопросы:

– А может ты не только кирпичи с завода тягал? А может ты уже судим был за более серьезные дела? Может живешь по поддельной бирке? – решил провести более глубокую проверку следователь.⁹

– Чего? – не понял допрашиваемый. Реагирует вроде искренне. Железманов специально заговорил на воровском жаргоне: если допрашиваемый поймет его без перевода – значит криминальный опыт имеется, это сейчас слова из криминального арго широко хлынули в народные массы и даже вполне законопослушные люди используют словечки из фени в повседневной речи. А тогда обычный обыватель воровскую музыку не понимал.¹⁰

Пока Петр ездил на вызов в деревню разбираться с жертвой зеленого змия, в тюрьме с Никитой провели процедуру бертильонажа, но она не дала пока положительного результата. Конечно, данные были отправлены в столицу, в Центральное бюро, но Железманов был склонен думать, что пока у задержанного, кроме кражи кирпичей, конфликтов с законом не было. Жидковат он, что ли, для более крупных дел. Петр Андреевич начал задавать вполне рабочие вопросы: знал ли про кражу в доме Гиреева? Что рассказывал Азаматов? Где сам был

⁹ Бирка – на языке уголовников паспорт.

¹⁰ Арго – научное название специализированного языка или жаргона, то же самое – феня или музыка, только уже языком уголовников.

во время событий в доме татарского предпринимателя? Никита хоть и ругался на проклятых ментов, но показания давал достаточно четко: в день ограбления он был целый день в цеху (вы бы посмотрели, в каких условиях люди работают на этом кирпичном заводе!), словом инакобытие у него, то есть алиби. Петру даже не пришлось вспоминать и употреблять на практике правило, известное со времен Каролины, то есть объяснять значение алиби. Правовые знания задержанного были чуть больше нуля, и они как раз были затрачены на усвоение понятия алиби. Поэтому он довольно быстро перечислил людей, которые подтвердят его непричастность к событиям в доме Гиреева в ту самую пятницу.^{11 12 13}

– А это ты вовлек Азаматова в карточные игры в доме Липы?

– Ну, привел туда я, но его силой никто за стол не сажал. Да что тут такого? Куда нам еще податься в свой законный выходной? По Соборной променады устраивать рожей не вышли, вот и остается одно. Кто же знал, что так увлечется?

– Он много проигрывал?

– Да как все, чуток выиграет, еще больше проиграет, но многие, кто сильно проиграются, потом и носа не кажут, но есть некоторые, кого неудача еще больше распаляет и они готовы все нести. Последнюю рубашку притащат. Вот Азаматов из таких.

Никита, да и более образованный Петр Андреевич еще были не в курсе существования самой серьезной зависимости-болезни: игромании, которую психиатры считают еще более трудно излечимой, чем наркомания или алкоголизм. Впрочем, Петра интересовали более конкретные детали:

– А откуда у Тимира деньги, чтобы играть?

– Ну, это может у господ нужны серьезные деньги, а у нас-то ставка всего копейка, а уж ее найти всегда можно. Ставь ее и играй, – развел руками Никита.

– А если копейка проиграна? – Железманову заодно нужно было получить доказательства, что существовал настоящий игровой притон.

– Ну, можно заложить что-то из вещей... На кон поставить или этой Липе отдать, она денюжку даст, но если отыграешься, то потом вернут обязательно... – клялся за Липу задержанный.

– А Тимир из вещей что-то приносил? – наконец подошел к главному следователю.

– Приносил, – уверенно кивнул головой Никита.

– Что именно?

– Каргуз один раз свой заложил. Увы, потом проиграл. Причем много проиграл. У нас и в долг можно, если регулярно ходишь...

– И Тимир остался хорошо должным Липе? – догадался Петр.

– Ага, – буднично согласился задержанный. – Потом примерно недели через две он ложки принес. Вот он пару и заложил.

– Выиграл?

– Ага, выиграл, только потом снова проиграл.

– И снова поставил на кон ложки?

– Ага, он как раз меня попросил сходить и принести, – кивнул головой парень. С него уже несколько сошла враждебность по отношению к ментам, поэтому он давал показания достаточно свободно.

– Он что у тебя тогда жил?

¹¹ Первая система криминалистической регистрации, названной по имени своего создателя – Бертильона, и была построена на антропологическом методе, то есть измерении различных участков тела.

¹² Термин «мент» имеет дореволюционное происхождение и обозначал именно сотрудника полиции.

¹³ Каролина – памятник средневекового германского права, где указывалось, что судья обязан разъяснить обвиняемому, что если он сможет указать на людей, подтверждающих его присутствие в другом месте, чем совершено преступление, то может быть оправдан.

– Ага. Он мне так и сказал, что ему заныкаться куда-то надо.

– А тебе не приходило в голову, что ты преступника покрываешь?

– Так какое же это преступление? Они с нас три шкуры дерут, сами небось в казино играют, они и тысячу проиграют, и все равно у них сколько остается, а нас Липка обдирает как липку... Последнюю копейку берет.

– А ты не думал, что в первую очередь надо на себя обижаться, а не на Липу, – не удержался в очередной раз Петр от проповедования прописных истин.

– Не понял? – Никита и в самом деле не понимал.

– Ну, никто вас к этой Липе и не гнал, сам же говорил. Можно было ту же копейку на сытинские книжки потратить, – предложил следователь. Потом он вернулся к главному предмету следствия:¹⁴

– Вспомни, а кроме ложек и шапки он ничего не закладывал?

– А что он еще должен был закладывать?

– Ну, если говорить про категорию «должен», то он работать был должен, а не вещи закладывать. Но все же может он закладывал что-то еще?

– Нет, больше ничего у него не было.

– Ну, может украшения какие-нибудь? – уже совсем откровенно сказал следователь.

– Нет, откуда у него украшения? У него даже жинки нет.

Петр Андреевич сделал несколько заходов, пытаясь выйти на украшения, но Никита про женские штучки ничего путного сказать не мог. Не видел, не знаю, не упоминал. И выглядело это достаточно искренне. По крайней мере сомневаться в его словах у следователя оснований не было. Последнее, что удалось выяснить у Никиты, что Азаматов пришел к нему в ту самую пятницу, когда убили управляющего в доме Гиреева, попросился переночевать. Тот не возражал, так как хотелось выпить, а у гостя вроде как копейка была. Потом Азаматов на следующий день пошел с Никитой к Липе и там заложил ложку, а потом еще одну. Никита, увидев серебро, не стал возражать, чтобы обеспеченный гость остался еще, тем более что жизнь обещалась сытой и пьяной, что собственно и было. «Это, наверное, одна из причин, по которой он на меня так набросился», – подумал Петр Андреевич.

Допрос Никиты не дал каких-либо особых улик против Азаматова, кроме кражи ложек, но это и так уже было очевидным: изделия из серебра говорили сами за себя. Поэтому допрос слуги-татарина приходилось начинать с тем, что было. Азаматов немного пришел в себя и был способен отвечать на вопросы. Петр Андреевич решил действовать напролом:

– Давай, друг ситный, рассказывай, и подробно рассказывай, – потребовал он.

– Что рассказывать? – поднял голову задержанный.

– Как Бекира Мармудова убивал, куда украшения дел, словом, все подробности.

Задержанный затрясся всем телом и залепетал:

– Я не убивал! Клянусь, не убивал.

– А кто убил?

– Не знаю, когда я в кабинет вошел, он уже мертвый лежал.

– А зачем ты в кабинет пошел, вроде бы тебе это не позволялось? – изобразил удивление следователь.

– Я думал, может там какую денежку забыли на столе, там полтинник или ассигнацию.

– Вроде не похоже на твоего хозяина деньгами разбрасываться.

¹⁴ Имеется в виду производство типографии известного владельца издательства Сытина, который первым начал издавать дешевые книги для народа. На дешевой газетной бумаге печатались лучшие произведения отечественной литературы: сказки, рассказы и стихи Чехова, Пушкина, Гоголя.

– Не похоже, – согласился татарин. – Шайтан меня попутал, пришли с намаза, знаю, что хозяин кофе пошел пить, а управляющий вроде к врачу собирался, вот ноги сами и понесли к кабинету. Уж больно мне надо было.

– Сильно проигрался? Сколько Липе должен?

– Три с полтиной, – чуть слышно произнес задержанный. Три с полтиной и в самом деле сумма немалая. Просто так не займешь и заработать трудно. Тем более, что к друзьям и родным с этим не пойдешь: обязательно спросят для чего? А разве возможно признать, что в карты проигрался? Отец за такое по головке не погладит, вернее погладит, только не по головке, а значительно ниже и вожжами. Несколько дней потом будешь есть стоя.

– То есть ты пришел домой, решил, что дома хозяина и управляющего нет, пошел к нему в кабинет с целью совершить кражу, но увидел там уже убитого Мармудова?

– Да, но я его не убивал, Аллах свидетель, – взмолился Азаматов.

– К сожалению, я не могу допросить Аллаха в качестве свидетеля, пока все говорит на тебя. Дальше что было?

– Я испугался и решил бежать, подумал, что могут обвинить меня.

– Так тебя и так обвиняют, причем именно потому, что ты убежал. Если бы не убежал, то вряд ли оказался бы под подозрением, – обратил внимание следователь на нелогичность действий задержанного. Тот только опустил голову ниже, а Петр Андреевич припечатал еще сильнее:

– А ложки и солонку взял для особой убедительности?

– Шайтан попутал, – оправдывался Тимир.

– Как кто что натворит, так не они виноваты, а бес или шайтан. Самому надо за свои поступки отвечать, – вступился за нечистую силу Железманов. – Может к ложкам ты и украшения прихватил?

– Какие украшения? Я на женскую половину даже не заходил!

– Я говорю об украшениях, которые хранились в сейфе в кабинете у хозяина. Ты когда в кабинет зашел, сейф был открыт?

– Не знаю, я не смотрел в ту сторону. Увидел только, что Бекир лежит лицом вниз, а в спине нож торчит, испугался до ужаса. А сейф или стол даже не осмотрел. Аллах свидетель.

– Увы, плохой он свидетель: не может дать официальные показания. Где был в ночь с понедельника на вторник?

– У Никитки! Я все эти дни у него хоронился.

– Что делали? Водку пили?

– Нет, вернее, Никитка, он пил, а почти не пью, нам Аллах запрещает.

– А когда я у Никиты тебя застал, так ты изрядно выпивши был.

– Так первый раз только, и немного выпил, а так не пью я, нам нельзя...

«Хоть один харам ты стремишься избегать», – подумал Петр Андреевич, а вслух приказал:

– Снимай рубаху.

– Пороть будешь?

– Это тебя пусть батька выпорет, если сочтет нужным, а мне закон этого делать не дозволяет. Мне для осмотра твоя рубаха нужна.

– Это зачем? Мне же холодно будет?

– Не волнуйся, я тебя без одежды не оставлю, принесут тебе одеться, – с этими словами следователь вышел из кабинета для допросов и приказал тюремному служащему решить этот вопрос. Тот через пять минут вернулся, неся какую дерюжку, не самый шик, но носить можно. В тюремной жизни все бывает, порой и оставались вещички от разных сидельцев, которые не спешили выбрасывать – иногда доставляют людей полураздетыми или в порванной окровавленной одежде.

Азаматов покорно снял с себя рубаху и передал в руки следователю. Тот принялся изучать добычу.

- Ты в этой одежде был все это время?
- Да, как сбежал, и другую мне взять неоткуда было.
- Но может друг твой Никитка одолжил?
- Так что ему одалживать? У него у самого гардероб беднее моего.

Петр отправил задержанного в камеру, еще раз вызвал Никиту, задав ему еще пару вопросов, а потом поехал в дом, где три дня назад его чуть не лишили жизни. К хозяевам, сдававшим угол, у него тоже были вопросы. И только потом вернулся домой.

После обеда Петр опять устроился на диване, чтобы обдумать результаты. Тимофеем еще с утра собирался удрать по своим кошачьим делам, которые, кстати, были им отложены из-за необходимости восстанавливать душевное равновесие двуногого. Однако перед ответственной работой будет правильным немного отдохнуть, поэтому зверь прикорнул на спинке дивана, планируя часик подремать. Но сам не заметил, как царство Морфея увлекло его на полдня. Проспал он до возвращения двуногого и когда увидел, что тот устроился на диване, то изменил планы и решительно прыгнул к нему на колени. Во-первых, с него причитается, его накануне развлекали и успокаивали по полной программе. Пусть сейчас гладит с усиленной ответственностью. Во-вторых, может подсказать что? Наверняка дело думать будет.

Петр и в самом деле собирался обдумать результаты следствия. И начал он с вывода:

– Мне вначале думалось, что надо просто найти Азаматова и тогда все станет ясным, а получается, что все стало еще более запутанным и скорее всего Азаматов не тот, которого я ищу.

У кота от удивления резко встали уши. Как не тот? А ради чего тогда надо было рисковать своей шкурой?

– Я когда вчера домой ехал и над этим делом думал, то начал сомневаться, что Азаматов убийца, а сейчас уже почти уверен, что это не он.

Большие зеленые кошачьи глаза стали от удивления еще больше. Сердитое муляканье означало требование аргументов.

– Вот смотри. Как ты думаешь, зачем мне нужна была рубаха Азаматова?

Кот повел ухом, словно говоря, что гадать не настроен, пусть двуногий сам даст объяснение.

– Все очень просто. Когда я осматривал во вторник кабинет Гиреева, точнее дерево под окном кабинета, то снял с дерева небольшой кусочек ткани. Это неизвестный порвал одежду, когда забирался через окно в дом. Так вот дело даже не том, что рубаха Азаматова целая, это я увидел только сейчас. Самое главное, что это кусочек не из самой дешевой ткани. Из такой ткани одежду шьют люди более-менее обеспеченные, а не слуги. А рубаха Азаматова, она и в самом деле целая. Плюс на ней нет следов крови.

Кот начал чесать задней лапой за ухом, словно говоря, что у него свои аргументы: рубаху можно было и поменять.

– Можно, но, во-первых, все равно кусочек ткани не по чину Азаматову, я это уже говорил. Я когда его с дерева снял, то меня начало мучить беспокойство, что что-то не так, но не мог понять, что именно. А сегодня, когда задержанного допрашивал, то сообразил. А во-вторых, я тогда как следователь должен найти эту другую рубаху и доказать ее принадлежность Азаматову. А хозяйка дома, где жил Никита, утверждает, что Азаматов пришел к ней в той же рубашке и другой на нем не видела. И в доме никакой одежды из такого полотна не нашли.

Тимофеем стал сворачиваться спиралькой, показывая, что аргументов должно быть больше.

– Хорошо, еще один важный момент. Кто залез в дом в ночь с понедельника на вторник? Не Азаматов, это точно. Его алиби подтверждает не только Никита, а хозяйка дома. Зачем я

Никиту второй раз допрашивал и опять к ним ездил? Вот они как раз и подтвердили, что наш подозреваемый из дома не отлучался. Самое главное – украшений у Тимира мы так и не нашли. Запонки не нашли. Ничего из содержимого сейфа не нашли.

Вывод был, скорее всего, правильный, но достаточно грустный: розыск надо начинать заново! Но не зря говорят, что день вечера мудрее. Петр решил, что самым правильным будет пока отложить все мысли по делу и просто поспать, тем более, что день был хлопотным, а здоровье, оно и в самом деле не казенное, надо себя немного побережь. Тимофей, правда, петля колыбельную отказался, он решительно направился к окну: надо в конце концов и про свои кошачьи обязанности помнить.

Однако пока Петр Андреевич отдыхал, а Тимофей патрулировал территорию, жизнь не останавливалась, в том числе и в криминальном мире. Именно в этот самый момент друга Железманова, следователя Рязанского окружного суда по особо важным делам Ивана Васильевича Зазнаева вызвали на место происшествия. Ехать предстояло за город: в Рюминой роще в кустах обнаружили тело мужчины.¹⁵

– Его под ветками спрятали, несколько дней уже лежал, – пояснил сотрудник сыскного отделения Егор Иванович Анисимов.

– Нашли по запаху? – спросил Зазнаев, прикидывая каким амбре пропитается его костюм.

– Да и это тоже, а так прохожие с собачкой проходили, она завывала.

– Хорошо, что в июне день длинный, осмотр получится провести до наступления темноты, – нашел хоть что-то хорошее в данной ситуации Иван Васильевич.

Обычно место происшествия привлекает много зевак и празднующихся, которые норовят затоптать все следы, а то и улику прихватить с собой, просто так, на память. Сегодня публики практически не было. И за городом, и дело к вечеру. Самое главное, запах, мягко говоря, специфический.

Погибший – крепкий и рослый мужчина – лежал на спине рядом с кустами, где его нашли (все же обстановка нарушена), лицо его было прикрыто носовым платком. Рядом суеился полицейский врач. После дежурных приветствий он констатировал:

– Убит два или три дня назад. Смерть наступила, скорее всего, от удара тяжелым тупым предметом по голове.

Врач приподнял платок и подтвердил свои слова. Картинка была отталкивающая: мало того, что тело уже подверглось процессам гниения, так еще часть черепа превращена в кровавую кашу.

– Камнем били? – спросил Зазнаев.

– Возможно.

– Но могу вас обрадовать, – произнес врач. Он уже с помощью одного из полицейских начал раздевать тело. Этот этап осмотра позволил обнаружить важную деталь: на теле обнаружилась особая примета, на груди была заметная родинка – темно-коричневое пятно округлой формы размером с пятак. Как знать, может пригодиться. А пока неплохо бы найти оружие преступления и зафиксировать следы обуви. Хорошо, что убийство произошло под кронами деревьев, а пару дней назад пролил неплохой дождик: на влажной почве удалось обнаружить несколько четких отпечатков.

– Смотрите, – показал рукой начальник сыскного отделения. – Явно видны две пары следов, и я сомневаюсь, что это оставили женские туфли. Скорее всего, мужские ботинки.

Потом он снова подошел к трупу, снял с его ноги ботинок и подошел к следу:

– Точно, это его след, а рядом – его спутника.

¹⁵ Ныне Центральный парк культуры и отдыха на улице Гагарина. В начале XX века это была загородная территория, история парка связана с купцом и благотворителем Рюминым, поэтому за ним закрепилось такое название.

Причем именно в такой формулировке, именно спутника, а не спутницы – женская обувь имела несколько иную форму. Конечно, изучение следов не могло полностью восстановить всю картину происшествия, но можно было точно сказать, что они пришли вдвоем, вместе стояли, а потом это место под высокими деревьями покинул только один человек. Криминалистика к тому времени уже умела фиксировать следы, и поэтому по распоряжению Зазнаева был приготовлен гипсовый раствор и изготовлен слепок следов попутчика убитого. Теперь можно было искать и орудие убийства.

– Осмотрите все кругом, может рядом какой булыжник и валяется, – отдал следователь распоряжение чинам полиции.

– Так вот он, туточки лежит, ваше благородие, – практически сразу откликнулся один из рядовых, стоящий в оцеплении.

– Не трогай ничего, – остановил его Анисимов. Подошел и сам кончиками пальцев извлек из травы большой камень, края которого были покрыты запекшейся кровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.